

ЧУМОВАЯ ДАМОЧКА

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова
Чумовая дамочка

«ЭКСМО»

2000

Полякова Т. В.

Чумовая дамочка / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2000 — (Авантюрный детектив)

Пять лет неволи – суровая школа. И Лиечка очень хорошо усвоила ее уроки. Самое время начать новую жизнь... Но оказывается, «чумовая дамочка» обладает странным свойством с неуклонным постоянством оказываться в ненужное время в ненужном месте. А там, как правило, всегда обнаруживается труп. «След» Лиечки настолько отчетлив во всех громких преступлениях, что в конце концов за ней начинают охотиться все бандиты и вся милиция города.

© Полякова Т. В., 2000

© Эксмо, 2000

Чумовая дамочка

Татьяна Полякова

– Ну, счастливо тебе, – по-дурацки ухмыляясь, напутствовал меня охранник.

– И тебе того же, – ответила я, не оборачиваясь, сделала четыре шага и оказалась на воле. Ворота за моей спиной со скрежетом закрылись, а я зажмурилась. День был ослепительно солнечным, я торопливо расстегнула куртку и немного постояла, пялясь в голубое небо.

Сегодня тринадцатое мая, день, которого я ждала пять лет. Я торопливо отошла подальше от металлических ворот и огляделась. Пес, лежащий в пыли у забора напротив, поднял голову, лениво щурясь, хотел было тявкнуть, но передумал, уронил морду на лапы и опять задремал.

– Привет, – сказала я ему и засмеялась. Само собой, ничего смешного поблизости не наблюдалось, смешок вышел нервный, а я сама продолжала в волнении озираться, перебрасывая сумку из одной руки в другую, с удивлением отметив, как дрожат руки, на глаза наворачиваются слезы и сердце колотится в горле. Не хватает только опуститься на колени и целовать землю. Впрочем, заниматься такими вещами я бы не рекомендовала: несмотря на отличную погоду, грязь здесь была непролазная.

Закинув сумку на плечо, я пошла вдоль забора в сторону поселка. До него было с полкилометра, единственная пятиэтажка хорошо видна отсюда, вокруг россыпь частных домиков, штук сто, не больше. Я покосилась на забор слева и ускорила шаг. Заборы и люди в форме вызывают у меня прилив отрицательных эмоций, впрочем, так же, как и бабы в телогрейках. Телогрейка, платочек... Я почувствовала головокружение, посмотрела на небо, перевела взгляд на свои ноги в кроссовках и усмехнулась. Все атрибуты лагерной жизни остались в прошлом, теперь они будут являться мне только в страшных снах.

За спиной послышался шум мотора, я машинально обернулась. Старенький «Запорожец», обогнав меня, направился в сторону поселка, а я вздохнула, хотя вздыхать-то и не следовало. Меня никто не встречал, и я этому не удивлялась. Все правильно. Я даже рада, что в первые свои минуты на свободе я одна.

Войдя в поселок, я спросила у тетки, торговавшей семечками возле магазина, где гостиница. Оказалось, в трех шагах, что неудивительно: в этой богом забытой дыре все в трех шагах друг от друга. Гостиница была больше похожа на барак. Длинное бревенчатое сооружение в один этаж с латаной-перелатаной крышей. Высокое деревянное крыльцо выглядело так, точно в любой момент готово было развалиться. Поднимаясь на него, я невольно улыбнулась: каждая из пяти ступенек скрипела по-своему. Дверь в гостиницу по причине хорошей погоды была распахнута настежь.

Я вошла. На столе в чернильных пятнах, которому было по меньшей мере лет тридцать, стояла табличка «Администратор», но такового в наличие не оказалось. Две чашки и крошки на столе указывали на недавнее чаепитие, так что шанс застать администратора все-таки был.

– Есть кто живой? – рявкнула я, постояла, прислушиваясь, и вышла на крыльцо, оставив дверь открытой. Находиться в мрачной комнате с зарешеченным окном, когда на улице светит солнце, мне совершенно не хотелось.

Ждала я минут десять. Из-за угла выскочила собака и бросилась через дорогу, потом с громким кудахтаньем выпорхнули две курицы, а вслед за ними появилась толстая баба лет пятидесяти. Она размахивала руками и кричала:

– Кыш...

Заметив меня, нахмурилась, торопливо оглядела с ног до головы и крикнула, хотя находилась метрах в пяти от крыльца:

– Вы ко мне?

– А вы администратор?

– Администратор, – с трудом поднимаясь по ступенькам, пробормотала она. – Замучили, проклятые. Хотела цветы посадить, вскопала палисадник, а там в изгороди одни дыры, то собака спит, то куры копошатся. Разве что вырастет? Никакой культуры. На свидание приехали? – спросила она без перехода.

– Я сестру ищу, – усмехнувшись, ответила я. – Носова Нина Константиновна. У вас не останавливалась?

– А как же... Вчера приехала. А с утра в район на рынок отправилась, автобус в два будет.

– Ясно, – кивнула я. – А передать ничего не просила?

– Нет. Да приедет скоро, говорю, автобус в два...

– Можно я сумку оставлю?

– Конечно. Вон в угол поставьте.

Я бросила сумку в угол, улыбнулась, сказала: «Спасибо» – и направилась к двери, машинально отметив: «Всего труднее улыбаться».

В магазине купила бутылку минералки и зашагала по центральной улице поселка. Через десять минут поселок остался позади, слева автобусная остановка, дорога в рытвинах и ухабах вела в райцентр. Пройдя с полкилометра, я свернула в сторону от дороги и вскоре лежала под высокими деревьями, раскинув руки и наблюдая за плывущими облаками сквозь ветви деревьев. Я улыбалась и, кажется, была совершенно счастлива. Одиночество такое восхитительное ощущение...

На солнце меня разморило, и я задремала, а открыв глаза, сразу же посмотрела на часы: пятнадцать минут четвертого. Нинка должна уже вернуться...

Нинка в компании администраторши сидела на крыльце. Завидев меня, поднялась и сделала несколько шагов навстречу, потом, точно опомнившись, заревела и начала причитать:

– Лиечка, сестренка моя...

– Чего это тебя разбирает? – удивилась я, Нинка кашлянула и замолчала. Мы неловко обнялись и поцеловались. Тетка, наблюдавшая за нами минуту назад с умилением, теперь насторожилась, мне ее разочарование件нятно: особо трогательной сцены не получилось.

– Пойдем, – заволновалась Нинка и добавила, оборачиваясь к администратору: – Посидим в комнате, неловко тут на людях...

– Идите, идите, – с готовностью поддакнула тетка, а я усмехнулась: ни одной живой души по соседству не наблюдалось. Я подхватила сумку, и мы зашагали в конец коридора.

– Вчера приехала, – принялась объяснять Нинка. – Одна во всей гостинице ночевала, вот страх-то... Хорошо, дежурная добрая, часов до двенадцати с ней сидели, чай пили... Хорошие здесь люди.

– Это точно, – согласилась я, а Нинка посмотрела на меня испуганно.

– Я в район ездила, на рынок. Орехи здесь копейки стоят, взяла пять килограмм, Юлечке. У нас разве укупишь?

Мы вошли в номер: большая комната с одним окном, шесть кроватей с левой стороны и шесть с правой. Душ отсутствует, туалет во дворе. Я вздохнула и села на стул возле стены, стул жалко скрипнул.

– Поешь чего-нибудь? – предложила Нина. – У меня бутерброды есть.

– Не надо, – отмахнулась я. – Обедала...

– Ты извини, что я тебя не встретила, я ведь не знала, во сколько тебя... – Нинка села за стол, старательно отводя глаза. Сестра старше меня на шестнадцать лет, мы с ней никогда близко не были, а после смерти родителей виделись не больше десятка раз, хотя и жили в одном городе. Но все пять лет, что я провела в этом богом забытом месте, Нинка регулярно писала мне и даже присылала посылки. Сейчас, испытывая неловкость, она все-таки спросила: – Что думаешь делать?

Тошнит меня от таких вопросов, но Нинка моя сестра, и я, пожав плечами, ответила как можно мягче:

– Жить, разумеется.

– Понятно, что жить, – вдруг разозлилась она. – А как? Хочешь домой ехать?

– Само собой, куда же еще?

– Да куда угодно. Вернешься домой – и что? Твой Славка тебя в покое не оставит, опять начнется... А чем кончится, ты знаешь.

Я нахмурилась и уже было рот приоткрыла, чтобы ответить, но передумала, похлопала Нинку по руке и сказала:

– Не беспокойся, все будет хорошо. Устроюсь на работу. Жизнь наладится...

– Наладится, как же... Я бы на твоём месте... – Она сбилась и, пряча глаза, перешла на ласковый шепот: – Я ведь тебе писала, Сережа как женился, ушел в твою квартиру. Они с Андреем и раньше не ладили, а уж теперь... Юлечка часто болеет, а Татьяна беременная, в сентябре родит. Куда им с двоими детьми?

Сережа – это мой племянник, со вторым мужем Нинки – Андреем – они и в самом деле никогда не ладили. То, что он живет в моей квартире, для меня новость, но, в конце концов, это не моя квартира, а квартира родителей, и Нинка, по совести, тоже имеет на нее право.

– Пусть живет, – отмахнулась я.

– А ты?

– Я могу в дедовой комнате устроиться.

– В дедовой, – разозлилась Нинка. – Чего тебе делать в коммуналке? С соседом-пьяницей.

Мало ли что ему в голову взбредет?

Я посмотрела на сестру, усмехнулась и поинтересовалась:

– Что взбредет ему в голову?

– Может, завербуешься куда? Ну, чтоб тебя никто не знал? – вздохнула Нинка.

– Может, и завербуюсь, – успокоила я ее. – Ты дедову комнату сдаешь, что ли?

– Сдаю. За полгода вперед заплачено. Май имеют право жить. Сережа, считай, без работы, жить на что-то надо. Какие ни на есть, а деньги...

– Май пусть живут, раз деньги заплатили, а к первому июня скажи, чтоб выметались.

– Да как ты там жить будешь?

– Хорошо, по возможности.

– Холодильник я продала...

– Слушай, – не выдержала я, – барахло мне без надобности. Проживу без холодильника.

И хватит об этом. Передать ничего не просили? – помедлив, задала я вопрос.

– Просили, – с обидой ответила Нинка, как видно, не оставив идею отправить меня подальше от квартир и холодильников. Достала из сумки большой конверт и протянула мне. Конверт был с сургучными печатями. Славка хорошо знал мою сестрицу. Нинка заворуженно смотрела на конверт, я отложила его в сторону, немного повертев в руках.

– Паспорт привезла? – вновь задала я вопрос.

– Привезла, – проворчала она и опять полезла в сумку. – Зачем тебе паспорт?

– Что ж мне по России-матушке со справкой об освобождении кататься?

– Так ведь... – начала она, но я отмахнулась:

– Давай паспорт.

Моя фотография вызвала у меня недоумение. Неужели это я? Конечно, я, кто ж еще? Паспорт остался у меня случайно. Мне было восемнадцать, когда я решила, что потеряла его, перерыли весь дом, но паспорта так и не нашли. Пришлось выправлять новый. Только-только получила новый документ, как обнаружился старый: каким-то образом он оказался за подкладкой в сумке. Да, давно это было...

– Ты когда домой собираешься? – спросила я Нинку.

- Сегодня. Поезд в 1.30. Билет уже купила... один. Я ведь не знала, куда ты...
- Правильно сделала, – кивнула я. – Вот что, попроси у администратора чаю.

Нинка недовольно нахмурилась, но из комнаты вышла, а я вскрыла конверт. Пачка долларов, перетянутая резинкой. Я пересчитала купюры: две тысячи. Хмыкнула и покачала головой:

– Не густо. Впрочем, и на том спасибо. – Отсчитав пятьсот долларов, я оставила их на столе, полторы тысячи сунула в карман. Вернулась Нинка, заметив деньги, замерла возле стола как вкопанная. – Это тебе, – сказала я, поднимаясь. – Билет денег стоит, и все такое. Спасибо. – Я подхватила сумку и шагнула к двери.

– Куда ты? – насторожилась сестрица.

– Мне в одно место заехать надо, – успокоила я ее и торопливо покинула гостиницу.

Автобус нужно было ждать два часа, я не стала этого делать и в райцентр отправилась пешком, надеясь, что меня подберет попутка. Так и оказалось, не прошла я и двух километров, как меня догнал выдавший виды грузовик. Я устроилась в кабине и минут сорок тряслась на колдобинах, всерьез опасаясь, что грузовик может развалиться. Однако к местным дорогам он был привычен, и добрались мы вполне благополучно.

Райцентр мало чем отличался от поселка: та же грязь, те же домишки. Правда, был еще вокзал, а напротив двухэтажное здание с красными буквами по фасаду: «Ресторан». Я купила билет на автобус и, ожидая его отправления, зашла в ресторан. Через полчаса, попробовав местных блюд, поняла: деньги выбросила на ветер, но огорчаться не стала, в такой день, как этот, грех расстраиваться по пустякам.

Продремав всю ночь в полупустом автобусе, в шесть утра я высадилась на вокзале областного центра, где к прочим благам цивилизации еще добавился аэропорт. С билетами проблем не возникло. Побродив по городу несколько часов, я оказалась в самолете, а поздно вечером уже прогуливалась по набережной Сочи и почти сразу нашла вполне подходящее жилье в частном секторе. На ближайшие две недели ветхий сарай в глубине большого сада стал моим жилищем. Дни я проводила на пляже, а вечерами лежала в гамаке все в том же саду, прикрыв глаза, размышляя и наслаждаясь одиночеством. У хозяйки жили еще квартиранты, кажется, из Москвы, две молодые пары, но, так как заняты они были исключительно собой, общение сводилось к утреннему приветствию и вечернему пожеланию спокойной ночи.

Я посетила местную парикмахерскую и магазины, сделала кое-какие покупки, ну и, конечно, загорела дочерна. Я пристально вглядывалась в свое отражение в витринах и с удовольствием констатировала, что, в общем-то, ничем не отличаюсь от тысяч других отдыхающих. Правда, во второй день моего пребывания здесь произошел забавный случай. Я возвращалась с пляжа, когда навстречу мне из-за угла вывернул милиционер. Я опустила глаза и сделала шаг в сторону. Милиционер, молодой парень, едва не налетев на меня, торопливо извинился, а потом улыбнулся во весь рот, а я засмеялась и продолжила путь, качая головой. Парень, должно быть, решил, что я чокнутая.

Первого июня я купила билет на поезд и отправила телеграмму сестре, сообщив, когда вернусь, чтобы она поторопилась освободить комнату. Добираться до моего города поездом почти двое суток, этого времени должно было хватить на то, чтобы все продумать и наконец решить, как жить дальше. Впрочем, вопросы эти в основном были риторическими, ибо решение зависело от других людей, а как меня встретит родной город, мне виделось смутно. Может, поэтому я и не торопилась там оказаться.

Отдых на юге пошел мне на пользу, я без усилия улыбалась и поддерживала ничего не значащие разговоры со своими соседями на пляже, при этом спокойно глядя им в глаза. В общем, можно было сказать, что адаптация в мире свободных людей прошла успешно, с чем я себя и поздравила. В кармане у меня почти тысяча баксов, я красавица (тип, у которого я

вчера покупала мандарины, минут десять убеждал меня в этом), и вся жизнь еще впереди. Так что повода для отчаяния я не видела, и все же чувство было такое, точно внутри меня что-то рушится, как картонный домик. Перед отправкой на вокзал я извлекла из сумки два блестящих кубика, подержала их в ладони и бросила на стол, решив проверить удачу. Выпало две шестерки.

– С богом, – вздохнула я, поднимаясь, сунула кубики в карман и пожелала самой себе счастливого пути.

Все мои вещи уместились в спортивную сумку. Я вошла в купе и, взглянув на часы, решила, что успею купить мороженое и какой-нибудь детектив, чтобы скоротать время в дороге.

– Далеко не уходите, – предупредила проводница, я кивнула и вот тогда обратила внимание на эту троицу. Печата шаг, мужчины шли мне навстречу, народ на перроне оборачивался, а проводница, сообразив, что трио направляется в ее вагон, поджала губы. Конечно, понять ее можно, троица в самом деле впечатляла.

Впереди шел тип лет сорока, бритый наголо, со шрамом на правой щеке в форме буквы «т», узкие губы, взгляд исподлобья. Одет в светлые брюки и легкую рубашку с короткими рукавами. Несмотря на дорогие тряпки и золотистый загар, зоной от него разило за километр. «Неужели и от меня тоже?» – с усмешкой подумала я. Двое парней лет по двадцать пять, высоких, плечистых, с суровыми и волевыми лицами, шли, поотстав от него ровно на полшага. Легкие пиджаки широкого покроя требовались им для одной цели: скрыть оружие. Впрочем, ребята не особо его прятали. Тот, что слева, нес тяжелую сумку, у того, что справа, – в руке потертый кейс.

– Здравствуйте, – пролепетала проводница, когда они поравнялись с ней, облизнула губы и попыталась улыбнуться.

– Здравствуйте, – ответил тип со шрамом, сопровождающие его лица молча кивнули, один из них достал из кармана билеты и предъявил проводнице. Когда все трое прошли в вагон, она посмотрела на меня и сказала скороговоркой:

– Послал черт пассажиров...

– Кто это? – решила я поддержать разговор.

– Откуда я знаю, – ответила женщина обиженно. – По розам видно... Теперь всю дорогу только и жди...

Чего следует ждать всю дорогу, я так и не узнала. Посадка закончилась, я спешно поднялась в вагон и прошла в свое купе. Попутчиков у меня было трое: пожилая пара из Москвы и мальчик лет десяти, их внук. Мы познакомились, разобрались с вещами, я и Олежка (так звали мальчика) заняли верхние полки. Лежа на животе, я смотрела в окно, улыбалась без причины и чувствовала себя девочкой-школьницей на каникулах. Сейчас мама позовет пить чай, а потом мы с папой будем играть в шахматы, вагоны плавно покачиваются, а за окном проплывают полустанки, огни, чужая жизнь.

– Лия, присаживайтесь с нами, – пригласила меня Ольга Васильевна, выложив на стол традиционные копченую курицу и вареные яйца.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Я собиралась в ресторан...

– Конечно, Лиечка, вы молодая, вам необходимо общество, возможно, еще жениха найдете...

– Это было бы неплохо, – засмеялась я.

– Может, все-таки перекусите с нами? – оторвавшись от кроссворда, спросил Федор Иванович.

– Нет, спасибо, – покачала я головой, а Ольга Васильевна, кивнув на конфеты в импровизированной вазочке, которая совсем недавно была банкой из-под майонеза, сказала тоном, не терпящим возражений:

- Но выпить чаю-то вы не откажетесь? Чай ресторану не помеха, правда, Лиечка?
- Правда, – засмеялась я и спустилась с полки.
- А вы русская? – вдруг спросил Олежка.
- Русская, – пожала я плечами, Ольга Васильевна шикнула на внука, а я поинтересовалась: – Почему ты спросил?
- Имя у вас странное.

Что да, то да, имя у меня исключительно редкое. По паспорту я Виталия. Стоило представиться полным именем, как незамедлительно следовали вопросы, оттого лет с семи я начала хитрить и, сократив свое имя на две трети, стала Лией. Редкое имя выбрал мне отец. После рождения Нины он мечтал о сыне, но у мамы были проблемы со здоровьем, а когда через шестнадцать лет ожиданий родилась я, папа, должно быть с отчаяния, дал мне мальчишеское имя. Хотя я и не оправдала папиных надежд, все равно была его любимицей... Рассказывать об этом Олежке я не стала, вторично пожала плечами, заранее соглашаясь с тем, что имя странное и редкое, и села пить чай.

Олежка, который очень любил поболтать, завел разговор о новых фильмах. Последний новый фильм я смотрела пять лет назад, оттого заявила, что кино не люблю, и заторопилась в ресторан. Выходя из купе, я едва не столкнулась с тем самым типом со шрамом на физиономии. В сопровождении доверенных лиц он, судя по всему, возвращался из ресторана, по крайней мере, одно доверенное лицо держало в руках бутылку коньяка и три бутылки пива. За их спинами маячил официант из ресторана с подносом в руках. На подносе радовала глаз икра и прочая снедь.

– Извините, – исключительно вежливо сказал тип со шрамом, взгляд его торопливо скользнул от моего лица вниз, задержавшись на некоторых достоинствах, и он сделал слабую попытку улыбнуться. Получалось у него паршиво.

– Ничего страшного, – пробормотала я, отводя глаза, и пошла по коридору, подумав с тоской: «Ну вот и неприятности...»

В ресторане я пробыла чуть больше часа, возвращаясь в купе, заметила одного из парней в тамбуре, он курил, при моем появлении выдал улыбку и проводил долгим взглядом.

– А мы в «дурака» играем, – весело сообщила Ольга Васильевна. Все семейство действительно играло в карты. – Присоединяйтесь.

Мне выпало играть с Олежкой, наверное, мальчишка здорово на меня злился, потому что играла я из рук вон плохо, прислушивалась к шагам в коридоре и ждала. Впрочем, ждать пришлось недолго. В дверь вежливо постучали, затем она открылась, и я увидела парня из тамбура. Он вновь попытался улыбнуться и заявил:

- Как насчет того, чтобы славненько провести вечер?
- Ольга Васильевна испуганно переглянулась с мужем, а я сказала как можно спокойнее:
- Извините, у меня свои планы.
- А ты на них наплюй, – посуровел парень.
- Извините, – еще раз попросила я, – но свои планы я не меняю.
- Крутая очень? – Разозлиться ему ничего не стоило, и нервы у него были ничуть не лучше моих.

– Одну минутку, – извинилась я перед своими попутчиками, поднялась, вышла в коридор и, прикрыв дверь купе, сказала парню: – Послушай, я дважды сказала «нет». Именно это я имела в виду. Очень прошу, не цепляйся.

Парень извлек из кармана пачку долларов, потряс ею перед моим носом и сказал нараспев:

- Пятсот баксов. Только не говори, что тебя это не интересует.
- Я вздохнула и посоветовала себе быть терпеливой.
- Тебя звать как? – спросила я.

– Сашка.

– Вот что, Сашка, я тихо еду по своим делам, никому не мешаю и ни с кем не хочу связываться. Может, я не так взглянула или не так прошлась, приношу за это свои искренние извинения. С полтысячей «зеленых» у тебя в этом поезде проблем не будет.

– А у тебя какие проблемы? – хмыкнул он.

– Только одна, – ответила я. – Ты ошибся, я не шлюха...

– Я так и подумал. Слушай, мне плевать, кто ты, хозяину ты приглянулась и... – В этом месте он ухватил меня за плечо, скорее всего не собираясь предпринимать решительных действий, просто хотел, чтобы его слова скорее дошли до меня. В висках у меня застучало, к горлу подкатил ком, кончики пальцев закололо, и, тщательно выговаривая каждое слово, я произнесла:

– Убери руку, падла... – Ну и еще кое-что присовокупила из своего богатого лексикона.

В этот раз я справилась с собой довольно быстро, боль в висках отпустила, дыхание выровнялось, но все равно было уже поздно: парень стоял, вытаращив глаза, и пытался вернуть челюсть на ее законное место. Дураку ясно: и десятой доли сказанных слов хватит на то, чтобы скоренько очутиться где-нибудь под откосом в весьма плачевном виде.

– Извини, – с искренним сожалением сказала я и отправилась искать проводницу. Парень все-таки вернул челюсть на место и пошел в свое купе, слегка пошатываясь. Само собой, в чувство его сейчас приведут, и мало мне не покажется, так что следовало поторопиться.

Проводница готовила чай.

– Когда будет ближайшая станция? – спросила я.

– Так вам же до конечной? – удивилась женщина.

– Позвонить нужно срочно. Так когда ближайшая станция?

– В половине одиннадцатого. Стоим две минуты, так что вы...

Я кивнула, перевела взгляд на часы и заторопилась в купе. Под настороженным взглядом соседей собрала свои пожитки, вновь посмотрела на часы.

– Решили в другое купе перебраться? – не удержалась Ольга Васильевна.

– Возможно...

– Этот молодой человек заходил к нам, когда вы в ресторане были. Спрашивал: с кем едете и куда.

– Это мой знакомый. Снимал квартиру по соседству...

– Да? – Ольга Васильевна мне не поверила, что было неудивительно.

Олежка занял верхнюю полку, а его дедушка уткнулся в газету. Я ждала, напряженно прислушиваясь к голосам в коридоре. Народ устраивался на ночь, разговоры стихали, а я подумала: «Может, мне повезет?»

Поезд следовал точно по расписанию. В 10.25 за окном появились первые дома, указывающие на близость цивилизации, и состав сбавил скорость, а я, подхватив сумку, покинула купе. Не успела я порадоваться, что никого не встретила в коридоре, как дверь предпоследнего купе распахнулась и навстречу мне шагнул тип со шрамом, а я мысленно чертыхнулась. Отводя взгляд, я посторонилась, твердо нацелившись на выход. Он, конечно, увидел сумку в моих руках и спросил со смешком:

– Уже приехала?

– Точно, – не удержалась я.

Он вытянул руку, загораживая мне проход.

– Брось, – разглядывая меня, заявил он. – Все нормально, никаких проблем...

– Ага, – порадовалась я. – Я с детства доверчивая. – И попыталась выйти в тамбур, но руку он не убрал, и мне пришлось притормозить.

– Давно откинулась? – вдруг спросил он, а я, покраснев, пробормотала сквозь зубы:

– Да пошел ты...

Руку он убрал.

– Оставайся, – сказал он спокойно.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Не ищу себе неприятностей...

В этот момент поезд качнуло, и он остановился. Тип со шрамом хмыкнул, покачал головой и дал мне возможность пройти.

– Ну, счастливо, – совсем как недавно охранник, сказал он, а я ответила:

– И тебе того же.

– Может, еще встретимся.

«Не приведи господи», – открестилась я, правда мысленно, и оказалась на пустынном перроне, закинула сумку на плечо и зашагала к зданию вокзала.

Следующий поезд в нужном мне направлении приходил только утром. Вдохнув, я отправилась на автовокзал, там мне повезло больше, и через час я уже дремала в стареньком «Икарусе» по пути к дому. А утром купила билет на поезд до своего родного города и благополучно добралась до него в субботу около полудня.

Жара стояла как на юге, солнце палило нещадно, асфальт плавился под ногами. Я купила бутылку пепси и зашагала к стоянке такси. Очередь произвела на меня впечатление, я подумала, что сумка у меня легкая и не грех прогуляться по городу после пятилетней разлуки. Поднялась по широкой лестнице, прошла под аркой со старинными часами на башне, больше похожей на минарет, и вышла на проспект Мира. Взгляд мой задержался на табличке ближайшего ко мне дома. Улица Верхнедворянская – значилось на ней. Вот тебе и проспект Мира. Мимо проشمыгнул полосатый троллейбус, раньше таких у нас не было, по бывшему проспекту сплошным потоком шли иномарки, кое-где разбавленные старенькими «Жигулями» и «Волгами».

– Все меняется, – попробовала я настроить себя на философский лад и прибавила шагу.

Мой дед жил когда-то в двух троллейбусных остановках отсюда, в огромном доме, в котором в прошлом веке помещался то ли бордель, то ли гостиница. Дед рано овдовел и, должно быть, от тоски запил. Свою трехкомнатную квартиру выменял сначала на двухкомнатную, а потом оказался в коммуналке в своем же доме, только в первом подъезде, в компании с таким же алкашом. Умер дед во сне, как говорится, не приходя в сознание во время очередного запоя. И не успел, как ни странно, продать свою берлогу, а завещал ее мне, за что в настоящий момент я была ему очень благодарна.

Дом выглядел заброшенным, не красили его лет семь, как минимум, фасад в трещинах, дверь подъезда без стекол... Впрочем, дело обычное. В подъезде, несмотря на жару, было холодно, я поежилась и по широченным каменным ступеням стала подниматься на второй этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта, звонков здесь сроду не водилось. Я толкнула дверь и вошла в длинный, метров шесть, коридор, в детстве мы звали его «кишкой». Коридор выходил к просторной кухне, слева дверь – в комнату соседа, ближе к кухне – дедова, то есть теперь уже моя.

– Хозяева! – гаркнула я, подняв голову к высокому потолку.

Дверь справа открылась, и появился неизменный дедов собутыльник Максим Павлович, или просто Палыч. Во всяком случае, гражданам прилегающего района он был известен именно как Палыч. Маленький, круглый и румяный, за пять лет он совершенно не изменился, несмотря на хронический алкоголизм и глубокие душевные переживания, связанные с отсутствием средств на очередную опохмелку.

– Виталик! – разведя руки для горячих объятий, завопил он, узнав меня.

– Здорово, Палыч! – вновь гаркнула я, и мы обнялись.

Палыч отстранился и сказал удовлетворенно:

– Красавица. Вылитая мать. Королевна, право слово... А загорела как, точно с курорта...

– Я на юге отдыхала две недели.

– Хорошее дело, – одобрил он, переходя на шепот. – Нинка здесь с самого утра. Занавески вешает...

В этот момент сестра появилась в коридоре, неодобрительно посмотрела на Палыча и кивнула мне.

– Ты ж в телеграмме писала, что с утра приедешь? – вместо приветствия заметила она.

– Вышла задержка.

– Какая задержка? Да не вертись ты под ногами, черт старый! – заорала она на Палыча, тот нахмурился и пристроился за моей спиной.

Я незаметно сунула ему денег и шепнула:

– Закусь купи...

Палыч исчез, а мы с Нинкой вошли в комнату. Причина ее скверного настроения стала мне ясна: из всей мебели, которой так гордился мой пьяница-дед, остались только кресло с порванной обивкой да резная тумбочка для обуви.

– Видно, под конец жизни дедуля здорово разошелся, – присвистнув, заметила я.

Нинка тяжело вздохнула:

– Это не дед, то есть... вся эта рухлядь ничего не стоила... Так, если какой любитель... А у кого сейчас деньги? Я и выручила-то сущие копейки, честное слово. У меня где-то записано, если хочешь, верну тебе половину, постепенно... Сереже надо было на свадьбу, ты же знаешь, у нас никаких сбережений... Получили участок, тридцать километров от города, разве на автобусе наедешься? «Запорожец» купили, старенький, своя картошка, морковь... Конечно, денег у меня нет, чтоб с тобой расплатиться, буду отдавать помаленьку...

– Мне ничего не надо, – отмахнулась я, искренне сожалея о вещах, которые окружали меня с детства, а отнюдь не об их рыночной стоимости, хотя и знала, что стоимость велика, а Нинка все спустила по дешевке... «Запорожец», дура несчастная, да здесь одна горка тянула на новенькую «Волгу». Но сестрице об этом лучше не говорить, не то ее инфаркт хватит.

– Я занавески повесила, – неуверенно заметила она.

– Спасибо. Раскладушку тоже ты принесла? – Раскладушка стояла у окна, застеленная полосатым одеялом, выглядело оно так, что я сразу же затосковала.

– Я договорилась с Михайловыми, они тебе стол дадут, от кухонного гарнитура. Деньги я заплатила... Квартирантам пришлось сотню вернуть, договаривались, что о выселении предупрежу за месяц, а вышло за две недели... Табуретка есть, понадобится что – купишь, надеюсь, не все деньги на курортах прогуляла...

– Не все, – согласилась я. – Но на эти деньги мне жить, пока на работу не устроюсь.

– Как жить... Ты к экономии не приучена, а Сережа мой живет на триста рублей.

– Твой Сережа может жить на полтинник – мне по фигу. Денег не дам, на меня пусть не рассчитывает, – отрезала я.

Нинка отвернулась к окну и вроде бы собралась реветь, но, наверное, вспомнила, что сынок живет в квартире, которая официально принадлежит мне так же, как и эта комната, и решила со мной не связываться. Между прочим, правильно сделала.

– Пойдем в кухню, хоть чаю выпьем, – неуверенно предложила она.

Чашки, чтобы выпить чаю, пришлось позаимствовать у Палыча, а он, в свою очередь, позаимствовал их не иначе как на помойке: треснутые, без ручек и страшно грязные. Нинка ругалась и пока их отмывала, я уплетала принесенный ею рулет и поглядывала в окно. Сосед явился минут через десять, значит, винно-водочные изделия по-прежнему по соседству: в доме напротив раньше был гастроном, как выяснилось, там и остался. К двум бутылкам водки Палыч прихватил колбасы, хлеба и банку помидоров, а также пакет картошки и три луковицы.

– Сейчас такую закуску сварганим, – весело сообщил он и кинулся к плите. – А ты пока рассказывай.

- Чего рассказывать? – усмехнулась я.
- Как чего? Пять лет не виделись. За пять лет много чего переменялось.
- Так это у вас, ты и рассказывай.
- Помолчал бы, пенёк старей, язык-то точно помелю... – шикнула Нинка, Палыч покоился на меня и обиженно засопел, сосредоточившись на картошке. Нинка наконец-то отмыла чашки, и мы устроились за столом.
- Ну что ж, Виталик, – вздохнул Палыч, – давай за встречу, за то, значит, чтобы все в твоей жизни было хорошо и складно.
- Хорошо тут не будет, – влезла Нинка. – Уезжать ей надо куда глаза глядят.
- Дослушивать я не стала и выпила водки, Нинка сбилась на середине фразы, опасливо принялась и тоже выпила.
- Как дальше жить думаешь? На работу или как? – одновременно закусывая, спросил сосед.
- На работу, – ответила я. – Конечно, биография подкачала, но, может, возьмут куда...
- Иди к нам в институт, уборщицей, – предложила Нинка. – Сто пятьдесят рублей, и все-таки у меня на глазах.
- И чего я на эти сто пятьдесят делать буду? – хмыкнула я, а сестрица разозлилась.
- А что люди делают? Сережа мой... а... – Она рукой махнула и повысила голос: – Получше тебя люди, а любой работе рады. Ты что ж, главбухом пойдешь за большими деньгами? Или директором на завод по соседству?
- Завод мне даром не нужен, – успокоила я ее. – Надеюсь, кто-нибудь из друзей поможет устроиться.
- Друзья-то помогут! – взвизгнула Нинка так, что мы с притихшим Палычем вздрогнули. – Они тебе помогли один раз... Славик твой в особенности... сволочь... Самая настоящая сволочь, чтоб ему глаз лишиться...
- Чего ты орешь? – поморщилась я.
- А чего, не так? Скажи, Палыч, права я или нет? Какая любовь была... Ромео и Джульетта, прости господи. И что? В тюрьму за него села. Чужой грех на себя взяла. Пять лет... да я бы... дура ты, Лийка, дура. Что с жизнью-то своей сотворила? Пять лет псу под хвост, а ему и горя мало. Бросил тебя твой Ромео...
- Заткнись, – попросила я, разливая водку. – Бросил и бросил, что ж теперь...
- Он хоть письма-то писал?
- Он неграмотный, – хмыкнула я. – И вообще, отвязись.
- Как я могу отвязаться, ведь ты сестра мне. После смерти родителей я у тебя самая близкая родня... А ты людей слушаешь, а родная сестра что ни скажет, все только заткнись...
- Ты бы, Нинка, помолчала малость, – робко вклинился в разговор Палыч. – Сколько времени не виделись, так чего ж друг на дружку орать.
- Я не ору, я говорю как есть. Славка ее подлец и убийца. Мало того, что убил, так он еще все подстроил хитрым образом, чтоб Виталька в тюрьму села, а он сухим из воды вышел.
- Чепуха, – устало вздохнула я. – Ничего он не подстраивал и ни о чем меня не просил. Я сама во всем призналась...
- В чем? – опять заорала Нинка, глотка у нее дедова. Краснознаменный ансамбль песни и пляски запросто переорет.
- В убийстве, – хмыкнула я. – Призналась, покаялась и отсидела. Теперь обо всем этом забыть пора и жизнь начинать светлую и честную, где нет места криминалу, случайным связям и бранным словам.
- Точно, – порадовался Палыч. – На свободу с чистой совестью.
- Мы с ним дружно захохотали, а Нинка разозлилась.
- Одно слово – придурки. Письма-то твой писал? – понизив голос, опять спросила она.

– Какая тебе разница?

– Сестра я тебе, и у меня, между прочим, душа болит. А от людей-то стыд... А этот за пять лет хоть бы раз зашел, узнал, как, мол, живете. У Сережи на свадьбу приличного костюма не было, у чужих людей деньги занимала, у хахаля твоего совести вовсе нет, знал, что бедствуем. Уж если тебя в тюрьму упек за свои-то грехи, так хоть семье бы помог материально.

– Ты языком-то дотреплешься, – ядовито сказала я. – Он тебе поможет, оторвет башку и тебе, и Сережке твоему, и не станет у вас никаких материальных проблем.

Палыч тихо фыркнул, пряча глаза, а Нинка пошла пятнами.

– Я правду говорю, – минут через пять придя в себя, подала она голос.

– А за правду всегда страдают, – добавил Палыч, а я, чтобы разрядить обстановку, налила еще водки. Нинка пьянеет быстро; изрядно захмелев, она принялась причитать, но тут, на счастье, взгляд ее упал на часы, и сестрица заторопилась домой. Я вызвала ей такси, и мы с Палычем проводили ее до машины.

– Зря ты приехала, – сказала она на прощание. – Может, думаешь, я из-за барахла? Из-за барахла, конечно, тоже. Уж такую меня бог создал, никуда не денешься, но тебе здесь жизни не будет...

– Не беспокойся, – целуя ее, попросила я. – Со мной порядок. Устроюсь на работу, буду вам с Сережкой помогать.

– Добрая ты девка, всегда такой была, – заревела Нинка. – Отчего тебе в жизни не везет?..

Дослушивать я не стала, захлопнула дверь и помахала на прощание рукой.

– Оттого не везет, – забубнил Палыч, – что каждый норовит на хребтину влезть.

– Ты хоть не зуди, – подхватив его под руку, попросила я.

– А я что, я как скажешь... Хочешь споем?

– Давай.

Мы направились к подъезду, затянув негромко «Раскинулось море широко»...

– Дед твой, царство ему небесное, очень эту песню уважал, – поднимаясь по лестнице, заметил сосед. – Бывало, как выпьет...

– Похоронили по-людски?

– А то как же. Дед твой Нинку хорошо знал, оттого кончину свою препоручил соседке, Варваре Васильевне. И деньги оставил, трюмо продал, то, что в углу стояло... А остальное все Нинка. Я ей говорил, мол, вернется Виталька, за душой у девки ни гроша...

– Бог с ней, с Нинкой... На кладбище завтра съезжу. Поедешь со мной?

– Конечно. Возьмем бутылочку, помянем моего дорогого усопшего друга Игната Мартыновича... Вот уж кто выпить любил, но и дело знал. Знал дело, скажу я тебе.

Палыч вошел в квартиру, запер дверь на засов, посмотрел на меня заговорщицки и, взяв за руку, повел в кухню.

– Нинка-то твоя жаднущая, да, слава богу, без царя в голове, а Игнат Мартыныч мужик обстоятельный, любимую внучку без копейки не оставил. Бери табуретку, полезай наверх.

– Куда? – удивилась я.

– В темнушке, на верхней полке, за ящиком тайник. Полезай, да пошарь там, ручку нащупаешь. Со старых времен тайник, не знаешь, так ни в жизнь не найдешь.

Я влезла на табурет, принялась впотьмах шарить рукой и в самом деле обнаружила в стене металлическую скобу, потянула ее и сунула руку в тайник.

– Ну что? – спросил Палыч удовлетворенно. – Нашла?

– Нашла, – кивнула я, передавая ему два свертка в старых наволочках. В одном были бронзовые часы, в другом статуэтка из мрамора.

– Там и адрес есть, куда отнести, за большие деньги у деда эти вещи просили, для тебя берег.

– Спасибо тебе, – глядя на багровую физиономию своего соседа, сказала я.

Если бы могла, то непременно заревела бы в ту минуту. Мы обнялись, Палыч похлопал меня по спине и сказал со вздохом:

– Ждал я тебя. И барахло это душу-то тянуло, а ну как свистнет кто, я ведь пьяный – дурной... Теперь все, слава богу, волю покойного исполнил и тебя увидел. Ты, Виталька, хочешь смеяться, хочешь дураком зови, а ведь кроме тебя... Ладно, сама знаешь...

– Знаю, – кивнула я. – Пойдем, выпьем за дедово наследство. Больших денег не жду, но на жизнь нам с тобой хватит.

Палыч шмыгнул носом и торопливо отвернулся.

Мы еще выпили, доели картошку, я убрала наследство в тайник и вымыла посуду. К этому моменту сосед задремал, облокотившись на стол, я проводила его в комнату на выдавший виды диван, достав из шифоньера подушку и одеяло. Пять лет назад у Палыча был телевизор и холодильник, теперь же из мебели только необходимый минимум, а шифоньер вообще пустой. Я вздохнула, открыла в комнате окно и задернула ситцевую штору, чтобы солнце не било спящему в глаза, а потом прошлась по квартире, насвистывая. Извлекла из кармана кубики и бросила на кухонный стол. Два и один. Не густо. Я покосилась на телефон. Аппарат был древний, под стать квартире, укреплен на стене в коридоре. Сделав очередной круг по прихожей, я подошла к нему и, сняв трубку, набрала номер.

– Да, – голос звучал хрипло и недовольно.

– Чижик, – позвала я.

– Кто это? – помедлив, спросил он, вроде бы растерявшись.

– Я. Не узнал?

– Лийка... вот ведь... конечно... вернулась, значит? Когда приехала?

– Три часа назад.

– В гости или насовсем?

– Пока не знаю. Поговорить надо. Найдешь время?

– Само собой. Ты где?

– В дедовой квартире.

– Отлично. У меня тут дельце небольшое. Через час освобожусь, заскочу...

– Спасибо. Буду ждать. – Я повесила трубку, а Палыч позвал из своей комнаты:

– Виталька...

Я вошла, привалилась к стене и спросила:

– Тебе чего не спится?

– Своему звонила, да? Рад он, что ты вернулась, или как?

– Рад. Сказал, в гости жди...

– Ага... Тут несколько раз заходил один, видать, из этих... крутых. Машина у него импортная, блестит вся. Интересовался, пишешь ли деду, как вообще дела... твой, что ли?

– Откуда ж мне знать... – усмехнулась я. – Хотя моему ходить незачем.

– Он тебя правда бросил? – нахмурился Палыч.

– Ты, дед, с Нинкиных слов не пой. У меня был выбор: на него показать или самой в тюрьму шлепать. Он меня ни о чем не просил, я сама все решила. Вот и весь сказ...

– Неправильно это, – разозлился Палыч. – И глазами на меня не зыркай, я тебя вот с эдаких пор знаю и имею право высказаться. Он мужик, а ты баба. И если он за твоей спиной спрятался...

– Надоели мне эти разговоры. Что ты, точно прокурор, душу-то тянешь? Ну сваяла дурака, хлебнула дерьма, поумнела, теперь жить хочу, долго и счастливо. Мне б на работу устроиться, а остальное приложится.

– Если как ты говоришь, если ты все ему простила и камня за пазухой не держишь...

– Хочешь, еще за водкой сбегать? – предложила я. – Только дурацкие разговоры оставь и спой что-нибудь морское...

– Иди за водкой, – махнул рукой Палыч, и я пошла. До приезда Вальки время еще было, а торчать в душной квартире не хотелось.

Когда я вернулась, Палыч крепко спал, храпел так, что было на лестнице слышно.

– Вот чертяка, – подивилась я, открыла на кухне окно и закурила, устроившись на подоконнике. Минут через пятнадцать во дворе появился серебристый «Лексус», притормозил под нашими окнами, и из него вышел Валька Чиж. Правда, теперь называть его так было неловко: он раздобрел, выглядел заметно старше, а главное – очень респектабельно. От замашек дворовой шпаны и следа не осталось. Чижик поднял голову к кухонному окну, заметил меня и улыбнулся, а я, помахав рукой, пошла открывать дверь.

Валька вошел в прихожую, притормозил у порога и оглядел меня с ног до головы, на лице читалось удовлетворение.

– Надо же, – сказал он, качая головой. – Еще красивей стала... На юг завернула?

– Ага. Кости погреть.

– Классный загар. Выглядишь на тыщу баксов.

– Половину давали, – хмыкнула я.

– Что? – не понял Валька.

– Ерунда, один придурок в поезде... долго объяснять.

– Ну что? Обнимемся со свиданьем? – засмеялся Валька, и мы обнялись. – Рад тебя видеть.

– И я тебя. Идем на кухню, выпьем. Разговор есть.

– Да, – согласился он. – Поговорить есть о чем.

– За посылки и деньги спасибо.

– Ерунда.

– Значит, ты...

– И он... интересовался. Переживал очень. Особенно в первый год. Ему, знаешь ли, нелегко пришлось. Каждая собака глаза колола. Говоря между нами, есть за что. Власть он, может, забрал немалую, а вот уважение...

– Из-за того, что я вместо него в тюрьму отправилась?

– Само собой. Конечно, в глаза ему такое никто не скажет, даже я. Кишка, знаешь ли, тонка, сказать как думаю: подставил ты бабу, а сам... В глаза не говорят, а за спиной шепчутся. Влад не совсем дурак, понимает...

– Влад? – удивилась я.

– Ага. Он у нас теперь так зовется. Шибко навороченный стал парень, и свое имя ему понравилось, так что он не Славка, а Владислав, Влад для краткости.

– Здорово, – кивнула я. – Так что там про его ум и все такое? То есть чего мне ждать следует?

– А это от тебя зависит. Кто-то из мудрецов сказал: меньше всего мы склонны прощать людям собственную подлость. Улавливаешь? Ты постоянное напоминание об этой самой подлости. И он знает, и ты знаешь, и все знают...

– Может, зря я домой вернулась?

– Если ты Славку убедишь в своей большой дружбе, так и проживешь спокойно, и даже очень может быть, что хорошо устроишься. А не убедишь... тогда ноги в руки – и отсюда подальше.

– Занятно, – кивнула я. – Ноги в руки, говоришь...

– Ты как сама настроена, с претензиями или...

– У меня к Славке претензий нет и быть не может. Меня в оборот круто взяли, деваться некуда, либо на себя брать, либо валить на Славку. Мне такое не по силам, да и соучастие все равно бы припаяли, пошли бы вместе...

– Это ты все сама придумала или подсказал кто? – спросил Валька презрительно. – Чушь все это. Передо мной спектакль не разыгрывай. Он Китайца завалил, потому как тот костью в горле стоял. Дело сделал в горячке и по-глупому... Если б ты на себя не взяла, париться бы ему в тюрьме.

– И многие так решили? – спросила я, начиная думать, что Нинка, пожалуй, права и возвращаться мне не следовало. В конце концов, Россия большая, и где-нибудь мне место нашлось бы.

– Главное, Влад сам так думает, – хмыкнул Валька.

– Это он тебе сказал?

– Он со мной разговоров по душам давно не ведет, как из детских штанов выросли, так и завязали с разговорами. Но глаза у меня, слава богу, есть. Последние две недели он сам не свой, видно, к встрече готовится...

– Тогда жду от тебя совета: как поступить, чтоб в этом городе остаться и голову уберечь.

– Поезжай к нему, прямо сейчас. И попробуй убедить в своей большой дружбе. Заметь: дружбе. О любви лучше помалкивай, он вроде жениться собрался. Вряд ли тебе чего светит, в общем... сами разберетесь.

– Не кроись, поняла, не дура. Значит, жать на то, что в одном дворе росли?

– Точно. И никаких намеков на то, что он тебе должен.

– А мне он в самом деле ничего не должен, – хмыкнула я.

– Вот и отлично. Поехали. – Я постояла немного, разглядывая пол под ногами, потом кивнула, а Валька сказал: – Прикид у тебя клевый, и сама ты выглядишь так, точно с Канар пожаловала, это ни к чему. Оденься попроще и в глаза жалостливости напусти. И вообще: скромнее, скромнее. Мол, знаю свое место крайнее справа в восьмом ряду и ни на что не претендую.

Я пожалала плечами, достала из сумки джинсы и футболку и пошла в ванную переодеваться. Валька ждал возле входной двери, позвякивая ключами.

– Так нормально? – смеясь и разводя руками, спросила я.

– Слушай, может, мне в тебя влюбиться? – вздохнул он.

– Почему нет? Я не против.

– В любовницы ты не пойдешь, а я три года как женился.

– Правда? – Я заперла входную дверь и вслед за Валькой стала спускаться по лестнице.

– Правда. Сыну полтора года. Сашкой звать. Приходи, с женой познакомлю.

– Спасибо. Только вряд ли ей понравится...

– Это точно. Не обижайся, ладно?

– Чего уж там. Налицо серьезные изменения в жизни...

– А вот тут ты права: жизнь действительно здорово изменилась. Нос не высовывай, присмотришься, и сама все поймешь.

– Сюда ты наведывался? – спросила я, устраиваясь в его машине.

– Я. Сосед рассказал?

– Да, говорит, крутой и на иномарке. Вряд ли Славке пришло в голову заглянуть сюда, значит, ты. Друзей в этом городе у меня немного.

– Не хочу тебя огорчить, – серьезно сказал Валька, – но у тебя их вовсе нет. Не считая меня, конечно.

Мы замолчали, каждый думал о своем. Валька свернул с проспекта и направился по улице Гоголя.

– В «Азию» едем? – не удержалась я.

– Ага. Только теперь ее не узнаешь.

Что верно, то верно. Бывшее кафе в самом деле было не узнать. Теперь «Азия» именовалась рестораном и занимала два этажа.

– Ну вот. – Валька свернул в переулок в квартале от ресторана. Остановил машину и посмотрел на меня. – Топай одна. Чтоб не вышло, что ты со мной раньше, чем с ним, встречалась. Он у нас единственный и неповторимый...

– Он точно здесь?

– Ага. Где-нибудь в карты режется или в подвале в бильярд.

– Может, сначала позвонить?

– Спросишь Влада на входе, там кто-нибудь из ребят дежурит. Трогательнее получится: вернулась, бросилась со всех ног к лучшему другу и даже позвонить забыла...

– А тебе он давно не лучший друг? – усмехнулась я. Губы Вальки нервно дернулись, но ответить он не успел. Я хлопнула дверцей и зашагала к ресторану.

Вблизи он выглядел менее внушительно. Хотя здание недавно покрасили, под окнами первого этажа проступили темные пятна, а штукатурка в некоторых местах успела облупиться.

Я потянула на себя тяжелую дверь и вошла в холл. После уличной жары здесь было прохладно, я сняла темные очки, сунула их в карман и огляделась. На кожаном диване возле зеркала сидел усатый мужчина лет сорока пяти и с очень важным видом просматривал газету. На меня даже не взглянул.

– Извините, – шагнула я к нему, он так и не повернул головы. – Где я могу видеть Владислава Семеновича?

– А зачем он тебе? – хмыкнул усатый.

«А не твое собачье дело», – собралась ответить я, но вовремя передумала. Я здесь просителем, и начинать со скандала на входе негоже.

– Зачем, ответить трудно, потому что особого дела у меня нет. Давно не виделись...

– Что-то я сомневаюсь, чтоб он сильно по тебе скучал...

– Может, так, а может, и нет. Вы бы узнали, вдруг он решит со мной встретиться?

От газеты он все-таки оторвался и посмотрел на меня, задержал взгляд на джинсах и кроссовках и покачал неодобрительно головой.

– Вон телефон в углу, – кивнул он и вновь отвернулся. – Позвони. А так не пушу. Много вас тут таскается.

Дверь рядом с гардеробом открылась, и в холл вышел парень, лицо его показалось смутно знакомым. При его появлении вальжности в усатом убавилось, он торопливо отложил газету и сказал заискивающе:

– Борис, вот Влада спрашивает.

– Привет, – сказала я парню, он чуть сдвинул брови и ответил:

– Привет.

– Если Влад здесь, скажи ему, пожалуйста, что пришла Лия. Может, у него есть немного времени...

– А тебя не узнать, – вдруг засмеялся парень. – Я бы решил, что ты с курорта, а... – В этом месте он слегка притормозил, кашлянул и добавил весело: – Не признала, что ли? Я Борька Матвеев, из сорок второго дома. Мы в одной школе учились...

– Привет, – выдавив улыбку, сказала я.

– Идем, – махнул он рукой и направился к двери, из которой только что вышел. – Только-только про тебя говорили. Я вперед пойду, предупрежу Влада...

Он ускорил шаг, а я пошла медленнее. Коридором, застеленным бежевым ковром, мы достигли очередной двери, Борис исчез за ней, а я глубоко вздохнула и прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь в ногах и хоть как-то справиться с волнением. Дверь приоткрылась, появилась голова моего провожатого, он кивнул, призывая меня войти. Я сунула руку в карман, нащупала кубики и перед тем, как сделать шаг, быстро взглянула на ладонь. Шесть и четыре. И вошла.

Комната была просторной и почти пустой. Возле окна большой стол, два дивана вдоль противоположной стены. Не считая Бориса, в комнате находилось четверо. Два парня замерли у окна, за столом сидел Валька (должно быть, воспользовался запасным входом), а на диване лицом ко мне Славка. Он здорово изменился. Вместо бритого затылка довольно длинные волосы, ухоженные и тщательно подстриженные, вместо спортивного костюма светлые брюки и рубашка навыпуск. В этом наряде удобно на Гавайях. Впрочем, жара такая, что у нас, считай, те же Гавайи. Увлечшись созерцанием бывшего возлюбленного, я не сразу заметила, в каком напряжении пребывают граждане. Я уже несколько секунд была в комнате, а никто еще не издал ни звука и даже не шевельнулся. Славка смотрел прямо перед собой не моргая и здорово напоминал истукана. Я подбросила кубики в кармане, сделала еще шаг и произнесла жалобно:

– Славик...

Его точно подбросило, он торопливо покинул диван и шагнул ко мне, а я, призвав на выручку все свои актерские способности, выжала-таки слезу и, закусив губу, бросилась ему навстречу.

– Славик, – повторила на всхлипе и оказалась в его объятиях.

– Лийка, – выдохнул он, крепко прижимая меня к груди, потом провел ладонью по моим волосам, чуть отстранился и заглянул мне в лицо. К этому моменту слезы катились по моим щекам крупным горохом, а сама я счастливо улыбалась.

– Я... я... я... – трижды начинала я фразу, всхлипнула, засмеялась и уткнулась носом в его плечо.

Славка продолжал наглаживать мои волосы и легонько похлопывал по спине, а зрители тихо снялись со своих мест и удалились, не забыв поплотнее прикрыть за собой дверь, а мы еще несколько минут стояли, замерев посреди комнаты.

Наконец я, вздохнув, сделала шаг в сторону, освобождаясь от Славкиных объятий, вытерла глаза ладонью и попросила:

– Извини, что веду себя как последняя дура...

– Глупости. – Он протянул руку, с намерением меня обнять, огляделся несколько суетливо и, держа меня за локоть, повел к дивану. – Садись. Рассказывай. Как добралась? Я тебя еще две недели назад ждал...

– В Сочи завершила. Не хотела появляться перед тобой... в общем, хотела чувствовать себя женщиной, а не...

– Отлично выглядишь. Хочешь чего-нибудь выпить? – Судя по всему, он здорово волновался, если, конечно, не придурился, как я, отводил глаза и выглядел довольно глупо, впрочем, в добрые старые времена Славка был веселым, дурашливым парнем и особым умом не блистал.

– Спасибо, ничего не надо, – завершила его я. – Боюсь, упаду с первой рюмки.

– Может, воды? – Уж очень он суетился.

– Да, пожалуйста.

Славка торопливо прошел к двери, приоткрыл ее и крикнул кому-то:

– Минералки принеси... и водки.

Водка с минералкой появились незамедлительно, молодой парень в белой рубашке и бабочке вкатил столик, на котором, кроме двух бутылок, стояло еще штук шесть тарелок с разной снедью, и быстренько удалился, проникновенно улыбнувшись мне на прощание.

– Присаживайся, – робко кивнул Славик, прошелся до стола и обратно и спросил заботливо: – Хочешь, ближе к дивану подвину?

Я засмеялась, опять-таки сквозь слезы, махнула рукой. Он подкатил стол, и мы сели рядом. Славка откупорил бутылку, разлил водки в две рюмки и одну протянул мне.

– Давай, за твое возвращение. – Хоть и пили за это сегодня уже немало, отказываться я не стала. – Ешь, – продолжал заботиться обо мне Славка. – Хочешь, велю мороженое принести. Ты ж всегда мороженое любила...

– И сейчас люблю.

– Вот и отлично.

– Ничего не надо. Посиди спокойно. Выпей еще. А я поем. Волновалась очень, теперь от водки голова кругом.

– Ты вернулась, это главное. Чего волноваться?

– Понятно, только ведь по-умному не получается. И сердце ухает, и идти было боязно...

– Что за чушь. Я тебя ждал, уже беспокоиться начал, куда, думаю, пропала. А ты, оказывается, на юге загораешь... – Он хохотнул и посмотрел на меня заискивающе. Слава богу, возлюбленный мой переменялся мало... Бутылку мы допили, но главной темы коснуться он так и не решился, ходил кругами, прятал глаза и глупо улыбался. Придется как-то самой начинать разговор.

– За деньги спасибо, – сказала я, повертев в руках пустую рюмку.

– Брось. Если что надо... ты же знаешь, с деньгами у тебя проблем не будет. Где жить думаешь? Нинка квартиру оттяпала?

– Серега там устроился, у него семья... У деда поживу.

– В коммуналке? На черта она тебе? С квартирой решим на днях. Какая понравится, ту и купим, только пальцем ткни. И вообще, ты ж знаешь, как я к тебе отношусь, так что наплюй на все заботы, я старых друзей не забываю... – В этом месте Славка поспешно отвернулся и достал сигарету. Прикуривал он долго, чиркал зажигалкой, руки дрожали. – Вот черт... одну туфту гонят.

– Дай мне, – попросила я, он протянул мне зажигалку «Зиппо» с гравировкой золотыми буквами: «Владу от его Котенка». Огонек вспыхнул, Славка наконец прикурил, а я вернула ему зажигалку. Он повертел ее в руках, вздохнул и сказал:

– Ты извини...

– Все нормально. Я и не ожидала, что ты пять лет проживешь монахом, я любила тебя и сейчас люблю, но... тебе вовсе необязательно...

– Знаешь что, поехали на наше место, – вдруг предложил он. – Чего здесь сидеть?

– Поехали, – согласилась я и поднялась с дивана. Он взял меня за руку и торопливо повел из комнаты.

Коридор был пуст, в холле неласковый тип с усами теперь занимал позицию у дверей, а Борис развалился на диване, лениво разглядывая потолок, однако при нашем появлении сонную одурь с него как ветром сдуло, он вскочил и даже сделал шаг навстречу хозяину.

Славка махнул рукой:

– Один поеду.

И мы вышли на улицу. На стоянке во дворе ресторана Славка подвел меня к огромному «Форду», который выглядел чуть ли не антиквариатом, а я засмеялась:

– На ней Элвис Пресли ездил?

– Может, и не ездил, но я так думаю.

Выходит, свою мечту Славка все-таки осуществил...

«Нашим местом» мы когда-то называли крутой берег реки за аэродромом. К нему вела липовая аллея, слева начинались поля, на холме, ближе к линии горизонта, деревушка с белой колокольней в центре.

– Ничего не изменилось, – заметила я.

Славка кивнул, сворачивая на развилке вправо. Здесь машину пришлось оставить, и дальше мы отправились пешком.

– Речку загадили, купаться нельзя, – с горечью сообщил мой спутник.

Я глубоко вздохнула, оглядываясь. Место было чудесное, несмотря на то что речку в самом деле успели основательно загадить, но никаких ностальгических чувств я не испытала ни от лицемерия «нашего места», ни от того, что Славка, стоя рядом на крутом берегу, держал меня за руку.

– Красиво, – сказала я, потому что ситуация требовала слов вроде этих.

– Красиво, – согласился Славка, посмотрел на меня и заметно погрустнел. – Я вот что хотел сказать...

– Что? – подождав немного, спросила я.

– Давай пройдемся, – ответил он уклончиво.

Мы направились в липовую аллею, я задрала голову и смотрела в голубое небо, споткнувшись о кочку, и Славка подхватил меня под локоть. Я привалилась спиной к широкому стволу, бывший возлюбленный придвинулся ко мне вплотную и, не удержавшись, поцеловал меня. Я обняла его, и минут пять казалось, что мы вернулись в прошлое, но только пять минут, не больше. Он положил руки на мои плечи, отстранился и не смог скрыть тяжелый вздох.

– У тебя кто-то есть? – осторожно спросила я.

– Да. Есть. Так получилось. Она... в общем, все серьезно, и я даже не знаю, как...

– Тебе не нужно ничего объяснять. И я, и ты знаем: ты мне ничем не обязан... Она красивая?

– Она похожа на тебя, внешне. Наверное, поэтому... Я ей рассказывал о тебе, она все поняла, хотя вначале ревновала... она хорошая девчонка. Я вас познакомлю.

– Лучше не надо, – улыбнулась я и взяла его под руку. Мы пошли по тропинке туда, где среди кустов виднелась его машина. – Мне сейчас нелегко, – начала я задумчиво. – Странное такое чувство, будто жить начинаешь заново. Должно быть, так оно и есть. Я тебе очень благодарна... я и не надеялась, что между нами что-то будет, и очень боялась, что ты просто не захочешь меня видеть...

– Чушь. Я не захочу тебя видеть? Я... мне тоже досталось, а потом Ленка... и я совсем не знал, как быть... последние дни места себе не находил, все думал, как сложится. Честно скажу, боялся. А когда ты вошла сегодня... сердце сжалось, так захотелось все вернуть. Ты и я... и...

Я погладила его ладонь, и слезы вновь потекли по моему лицу. Славка осторожно меня поцеловал, а я улыбнулась.

– Все хорошо. Правда. Мне бы на работу устроиться...

– Без проблем. Место подыщем. Куда хочешь?

– Ресторан твой?

– Можно сказать, мой...

– Возьмут официанткой на первое время? К чужим идти не хочу, обо мне все равно узнают, будут в спину пялиться да кошельки прятать.

– Пусть попробуют, – начал он, непроизвольно сжав кулак, но с порывом быстро справился. – Зачем тебе работа официантки, найдем что-нибудь получше. Дай мне неделю, подыщу, прикину...

– Мне сейчас любая работа сгодится, а в твоём ресторане пальцем тыкать не будут, поработаю с полгодика, людям надоест языками чесать, тогда и о другой работе можно будет подумывать.

– Хорошо, – кивнул Славка. – Если ты так хочешь... Вовка вчера жаловался, девки вконец оборзели, на смену пьяные приходят, сразу троих уволил...

– Ну вот, если уволил, пусть меня возьмет. Я не пьющая... Поговоришь с ним?

– Да чего с ним говорить? Когда решишь, тогда и на работу выходи.

– Спасибо. Пожалуй, с понедельника и начну.

– Куда торопиться? Отдохни. О деньгах не думай. И с квартирой решим.

– Деньги пока есть, и с квартирой порядок.

Мы уже подошли к машине, когда он вдруг спросил:

– Как там?

– Где? – не поняла я, а сообразив, что он имеет в виду, едва удержалась от смеха, но смеяться себе отсоветовала, посмотрела вдаль с грустным выражением на физиономии и ответила: – Тому, кто там не был, – не объяснишь, а попасть – не приведи господи.

В общем-то, так оно и есть. Славка кивнул, вроде бы оставшись доволен моим ответом, и неожиданно заявил, глядя мне в глаза:

– Я его не убивал.

Не знаю, чего он ждал от меня, может, признания в преступлении, которого я не совершала? Затянувшаяся сцена мне не понравилась, я прижалась щекой к плечу Славки и попросила:

– Давай не будем об этом. Мое единственное желание поскорее все забыть. И начать новую жизнь. Обыкновенную. Просто жить и радоваться, что есть небо, солнце, друзья...

Мне самой стало тошно от эдакой ерунды, но Славку она как будто успокоила, он улыбнулся, похлопал меня по спине, точно подбадривая. Садясь в машину, мельком взглянул на часы.

– Спешишь? – спросила я.

– Нет, – отмахнулся он, но было ясно, что врет. Кашлянул и счел нужным пояснить: – Важная встреча... неудобно переносить. Большие деньги закручены...

– Успеешь отвезти меня домой?

– Конечно.

Вернувшись в свою коммуналку, я обнаружила Палыча сладко спящим на родном диване, а поллитровку допитой. Прошлась по квартире, затем извлекла из тайника дедово наследство и поставила часы и статуэтку на полу рядом с раскладушкой. Посмотрела на них, вздохнула и устроилась на полосатом одеяле, которое Нинка, судя по запаху, нашла на помойке, оттого долго выдержать я это соседство не могла и убрала одеяло в темнушку, решив при первой возможности вернуть его сестрице. Нинка, щедрая душа, кроме одеяла, принесла подушку с пестрой наволочкой и простыню, про матрас даже не вспомнила, но мне это и не нужно. Я достала куртку и бросила на раскладушку вместо одеяла, а сама направилась к телефону и принялась набирать Зойкин номер. Трубку снять не пожелали, в течение часа я звонила еще трижды, с тем же успехом. Пора ей было объявиться, дату моего освобождения она забыть не могла. Допустим, звонила сюда, когда я отдыхала на юге, но и я за две недели пыталась дозвониться до нее раз пятьдесят, не меньше, мне никто не отвечал, и это всерьез начинало меня беспокоить. Надеюсь, Зойка укатила куда-нибудь с мужем, устроив себе медовый месяц, и ей, ошалевшей от счастья, просто не до меня. «Через час попробую еще позвонить», – решила я и вновь легла на раскладушку. Тут зазвонил телефон, я вздрогнула от неожиданности, торопливо вернулась в коридор и сняла трубку. Звонил Валька.

– Дома? Я тут в трех шагах от тебя. Можно зайти?

– Само собой. Жду.

Я услышала шум подъезжающей машины под окном и пошла открывать. Валька выглядел шикарно, в темном костюме и белоснежной рубашке, впечатление портил только галстук, небрежно торчавший из кармана пиджака.

– Давно расстались?

– Не очень. Проходи.

Мы вместе вошли в комнату, и я немного растерялась, сообразив, что моему гостю в дорогом костюме сесть негде.

– Устраивайся на раскладушке, – предложила я, села на пол, привалилась к стене, и вытянула ноги.

– Да-а, – протянул Валька, оглядываясь. – Как тебе все это? – Он неопределенно махнул рукой, усмехнувшись с горечью.

Я тоже усмехнулась:

– Нормально. Я видела места и похуже, так что здесь мне нравится. У тебя ко мне разговор или так заглянул?

– Какой разговор? – пожал он плечами. – Просто узнать хотел, как у вас все прошло.

– Отлично. Душевно поговорили. Обещал устроить на работу.

– Куда?

– В «Азию», официанткой.

– Шутишь? – Валька вроде бы не поверил.

– Чижик, – засмеялась я, – ты, видно, запямятовал, откуда я вернулась? Да мне за счастье в официантки. Какие-никакие деньги.

– И к нему поближе? – добавил он.

– Нет, – серьезно ответила я и даже головой покачала, желая придать словам убедительности. – В другое место меня не возьмут. А если и возьмут... сам знаешь. Так что «Азия» для меня земля обетованная.

– Ладно, у тебя своя голова на плечах. Говорили о чем?

– О жизни, – хмыкнула я.

– А конкретно?

Я посмотрела на него внимательно, Чижик поспешно отвел глаза и вроде бы даже покраснел, хотя вряд ли...

– Конкретно о том, что его любимая девушка похожа на меня и именно это обстоятельство позволило ему пережить первые годы разлуки со мной. Мы правда похожи?

– Не смейся, – он презрительно фыркнул. – Она просто дурочка, причем редкая. А Славка сам не больно умный, оттого его и тянет на глупых баб.

– Ты меня имеешь в виду?

Он махнул рукой.

– Она такая... интеллигентная, одним словом. Дурацкое имя ему придумала... Влад... какой, к черту, Влад...

– Между вами что, черная кошка пробежала? – удивилась я. – Помнится, пять лет назад вы были друзьями.

– Мы и сейчас друзья. Про дела наши рассказывать не буду, сама все увидишь... Славка решил стать джентльменом, кулаками ему махать надоело... Это он с ее слов поет, а того не понимает... – Валька вновь рукой махнул и посмотрел на меня. – Он тебе поверил?

– В каком смысле? – искренне удивилась я.

– В том, что ты все забыла, простила и женитьбу на этой дуре благословляешь со спокойной душой?

– Моего благословения он не просил, но если дойдет до этого – благословлю.

– И он тебе поверил?

Наш разговор начал меня всерьез беспокоить.

– Не пойму, куда ты клонишь?

– Ты отсидела пять лет только для того, чтобы он мог здесь пить, жрать и шляться по бабам, возвращаешься в эту вонючую конуру, собираешься работать официанткой в каком-то притоне, где пьяная шпана будет хватать тебя за задницу, и пытаешься меня уверить, что считаешь это нормальным?

– Да пошел ты, Чижик, – засмеялась я. – Чтоб ты знал, родной, я действительно считаю это нормальным. Я хочу работать как все, жить как все, выйти замуж как все и родить ребенка. Лучше двоих. Это программа максимум. Если тебя интересует программа минимум, так еще проще. Вымыться и завалиться спать. Скажи, неплохо?

– Классная идея, – сказал он, поднимаясь, и пошел к двери, обернулся и заявил: – Знаешь, а я ведь любил тебя.

Лет шесть, если не больше.

– Я догадывалась, – улынулась я.

– Догадаться было нетрудно. И все-таки ты выбрала его.

– Не повезло, – смеясь, пожала я плечами.

– Значит, об убийстве он даже не заговаривал?

– По-моему, это глупо. Знаешь пословицу: кто старое помянет... ну и все такое прочее...

У нас намечилось полное взаимопонимание.

– Выходит, ты здорово изменилась, – на прощание сказал он. – Если, конечно, мне лапшу на уши не вешаешь.

Проводив его, я еще несколько раз попробовала дозвониться Зойке, затем приняла душ и легла спать. Однако сон не шел. Я пялилась в потолок, ворочалась на скрипучей раскладушке и в конце концов устроилась на подоконнике возле распахнутого окна, так и встретила рассвет. Часов в пять на меня напала сонливость, и до восьми я спала как убитая.

Ровно в восемь в комнате появился Палыч и заорал:

– Виталик, подъем, голуба моя! Идем кофий пить.

– Чего тебе не спится, старый? – выглядывая из-под куртки, поинтересовалась я.

– Много спать вредно. Глянь, денечек какой, с утра солнышко... – Он вышел из комнаты, я потянулась, зевнула и побрела следом.

– Палыч, мне эти две недели никто не звонил?

– При мне нет, а автоответчика у нас нету. Хитрая штука, скажу я тебе... А ты кого ждешь-то?

– Подруга должна была позвонить.

– Не... не припомню. Хотя по пьянке мог запомнить... Нет, не звонили.

– Ставь чайник, – кивнула я, отправляясь к телефону. Зойка вновь не желала ответить. Я побарабанила пальцами по стене, таращась на телефон, потом громко сказала: – Что-то не так.

– Чего? – крикнул с кухни Палыч.

– Вот что, дед, – устраиваясь за столом, решила я. – Мне уехать нужно, на пару дней. Будет кто спрашивать, скажи, подругу навещает.

– А куда собралась-то?

– В Кострому.

– А чего ты там забыла? – нахмурился сосед.

– Хороший человек там живет. Подруга. Звоню третью неделю, никто не отвечает. И она не звонила, если ты ничего не путаешь. Беспокоюсь я. Надо съездить.

– Оно конечно... если беспокоишься... Может, твоя подруга отдыхать уехала?

– Может.

– И когда в Кострому податься хочешь?

– Да вот сегодня и поеду.

– Ага... – Палыч щелкнул пальцем по горлу и предложил: – Похмелиться не желаешь? Осталось малость...

– Выпей. Я с тобой посижу, и поедем на кладбище.

Палыч решил проводить меня на вокзал, но дошел лишь до угла дома, как раз на углу находился магазин, туда сосед и юркнул, выпросив у меня двадцатку. Я остановила такси, потому что время поджимало. На вокзал я прибыла за пять минут до посадки.

С утра стояла страшная жара, а путь мне предстоял неблизкий, я задернула штору на окне, вытянула ноги и нацепила темные очки. Бессонница пошла мне на пользу, не успели мы покинуть город, а я уже спала. В общем, поездка не получилась особенно утомительной.

Сосед сзади зашевелился, а я, в очередной раз открыв глаза, поняла: приехали. На вокзале я зашла в туалет, умылась и попробовала придать своей помятой физиономии пристойный вид. По причине страшной жары я была одета в шорты и майку, из вещей у меня был только небольшой рюкзак, который я повесила на одно плечо. Я вышла из вокзала и огляделась. В Костроме я была впервые и, где находится улица Вяземского, понятия не имела. Взгляд мой упал на вывеску «Продукты», и я заглянула в магазин, купила бутылку водки, торт и бегом бросилась к стоянке такси.

– Улица Вяземского? – спросил водитель первой машины, брюхо его упиралось в руль, а дышал он с таким трудом, что, казалось, вот-вот скончается от удушья. – Далековато... Ладно, поехали.

Я села сзади и всю дорогу молчала, разглядывая мелькающие за окном дома. Таксист, напротив, хотел поболтать и начал с вопроса:

– Учиться, что ли, приехала?

– Ага.

– Куда поступать будешь?

– Куда получится.

– А на Вяземского родня?

– Родня.

– Не вижу никакого проку от этой учебы. Учат вас, учат – и что? Умнее не становитесь. У меня всего семь классов и...

– Заткнулся бы ты, дядя, – ласково попросила я, он удивленно посмотрел на меня, а я добавила: – И за дорогой присматривай, не ровен час в столб впишешься.

Он заткнулся, и остаток пути мы проехали молча.

– Вот она, Вяземского, – хмуро бросил таксист, мотнув головой влево. – Дом какой?

– Тридцать шестой.

– В другом конце.

Через пять минут мы тормозили во дворе пятиэтажки, я расплатилась и вышла, забыв поблагодарить, впрочем, дядька в моей благодарности явно не нуждался. Седьмая квартира находилась на третьем этаже. Я позвонила и стала ждать, позвонила еще раз, прекрасно понимая всю бесполезность этого. Посмотрела на противоположную дверь и решила побеспокоить соседей. Дверь мне открыл мальчишка лет двенадцати.

– Привет, – сказала я. – Устиновы в какой квартире живут?

– В седьмой. Только их нет сейчас.

– А где они?

– На юг уехали. А куда, не знаю.

– Ясно. Давно уехали?

– Недели две точно...

– Можно я им записку оставлю?

– Конечно, – пожал плечами мальчишка.

Я торопливо вырвала листок из записной книжки и написала: «Как вернешься, позвони мне».

– Держи, не забудь передать.

– Не забуду, я маме скажу.

– Отлично. Держи торт.

– Не надо, – вроде бы испугался он.

– Держи. Мне возвращаться в другой город, жара страшная, не довезу. – Торт он взял, а я стала спускаться по лестнице.

Слава богу, с Зойкой полный порядок. А то, что она обо мне ненадолго забыла, понять можно... Мужа своего она любила прямо-таки невероятно и все время, что вместе со мной «отдыхала», высчитывала дни, когда с ним увидится. Зойка работала бухгалтером, замуж вышла поздно, но удачно: ее избранник почти не пил, не курил, работал прорабом на стройке, а руки, по словам подружки, имел золотые. В любви и согласии они прожили семь лет. Одно печалило Зойку: у них не было детей. Зато имелся в семье достаток и взаимное уважение, были друзья, которые охотно ездили на Зойкину дачу. На девятое мая затеяли шашлыки, конечно, выпили. Зойка, видя, что муж, против обыкновения, позволил себе лишнего, сама села за руль. Возвращаясь в город, она не справилась с управлением, когда на дорогу неожиданно выскочил мальчишка на велосипеде. Новенькие «Жигули» влетели в бетонное ограждение, мальчишку с переломом ноги доставили в больницу, мужа Зойки в реанимацию, троих друзей, возвращавшихся в город вместе с ними, в морг, а Зойка, не получив ни единой царапины, схлопотала на всю катушку, так как в ее крови обнаружили алкоголь, а скорость на момент аварии была превышена.

Зойка стоически восприняла неожиданный жизненный поворот и, считая дни до освобождения, верила, что заживет лучше прежнего... Так что у меня был повод за нее порадоваться. На сегодняшний день Зойка была единственным человеком, которого я по-настоящему любила. Если быть честной, только благодаря ей я смогла продержаться эти пять лет.

Насвистывая, я покинула подъезд. В этот момент к дому подъехало такси, из него вылез мужчина среднего роста, лет сорока, узкоплечий, с лысиной, которую он пытался замаскировать, загорелый и улыбающийся. Одного моего взгляда было достаточно, чтобы узнать в нем Зойкиного мужа, тысячу раз мне приходилось лицезреть его фотографию и слушать рассказы о том, какой он замечательный. Я бросилась к машине, сияя тульским самоваром, но тут же притормозила. Устинов помог выбраться из машины девчужке лет четырех, а вслед за ней извлек крашеную блондинку с дочерна загорелой физиономией. Улыбку с меня как ветром сдуло.

– Вы Устинов? – спросила я.

Мужчина вздрогнул и обернулся.

– Да, – ответил он как-то неуверенно.

– Где Зойка?

– Зойка? – Он отступил на шаг и испуганно посмотрел на жену.

– Точно. Так где она?

– А почему вы спрашиваете моего мужа о какой-то Зойке? – влезла в наш разговор крашеная.

– Заткнись, – посоветовала я.

– Что? – попробовала она быть грозной.

Я повторила:

– Заткнись, – еще ласковее, и она, прижав к себе девчужку, наконец умолкла. – Так где она? – вновь задала я вопрос.

– Вам адрес нужен? – торопливо заговорил мужчина. – Я могу объяснить. На Матросова – общежитие, девятиэтажка, в трех шагах от остановки. Номер комнаты я не знаю, – косясь на жену, пробормотал он.

– Найду, – заверила я и сделала шаг в сторону, намереваясь поскорее покинуть двор и этого типа с его крашеной бабой.

– А вы кто ей будете? – вдруг спросил он.

Я не думала продолжать беседу, но крашеная выглядела так забавно, тараша на меня глаза, что я ответила:

– Никто. Сидели вместе.

Челюсти у обоих враз отпали, а я порадовалась: для Зойки я, конечно, ничего полезного не сделала, но хоть этим двоим настроение испортила.

Найти общагу оказалось делом нетрудным, унылое серое здание действительно было в трех шагах от остановки. Я вошла в квадратный холл с зарешеченным окном и поморщилась: вонь стояла несусветная, пахло капустой и подгоревшим маслом. Стол в центре холла был выкрашен синей краской, на нем притулились чахлая герань и телефонный аппарат с трубкой, в двух местах перетянутой изолентой. Я покачала головой и огляделась, дверь слева вела к лифтам, а чуть дальше начинался длинный темный коридор. Я сделала шаг в том направлении, надеясь обнаружить хоть одну живую душу, и тут же была остановлена гневным окриком:

– Вам кого?

От неожиданности я вздрогнула и, обернувшись, увидела за своей спиной худенькую женщину лет сорока и попробовала определить, откуда она появилась. Не иначе как пряталась за дверью.

– Здравствуйте, – сказала я, продемонстрировав счастливую улыбку, которая, кстати, не произвела на нее никакого впечатления. – Я ищу Устинову Зою Федоровну.

– Зойку? – насторожилась тетка. – А зачем она вам?

– Она моя родственница.

– Нет у нее никаких родственников.

«Вот чертова баба», – подумала я и сказала:

– Значит, знакомая.

– Знакомая... ходят тут всякие...

– В какой комнате она живет? – посуровела я.

– А не скажу, – ответила тетка, глядя мне в глаза с большим гневом.

– Ясно. Тогда я сама поищу, – кивнула я и зашагала по коридору.

– Я тебе поищу! – взвизгнула она и бросилась следом.

– А ты меня попробуй остановить, – хмыкнула я, не оборачиваясь.

Тетка меня догнала, но военных действий предпринимать не стала, а спросила:

– Ты не от этой?

– Что? – Мне пришлось остановиться.

– Не от его стервы крашеной? Оставьте бабу в покое...

– Где Зойка? – теряя терпение, спросила я.

– В сто тринадцатой. Только ей не до гостей сейчас... пьет. А здесь на птичьих правах, не сегодня, так завтра выгонят, а эта, гиена, то сама придет, то подруг подсылает, и каждый раз со скандалом.

– Никакого скандала, – заверила я, узнала, где эта самая сто тринадцатая комната находится, и бросилась туда.

Коридор был такой же длинный и темный, дверь в одну из комнат распахнута настежь, на кровати сидел лохматый мужик и играл на гармонии, толстая баба в дверях, пытаясь перекричать гармонию, что-то ему выговаривала.

Дверь сто тринадцатой была не заперта, я торопливо вошла, отдернула занавеску, отделяющую импровизированную прихожую от самой комнаты, и увидела Зойку. Она сидела за столом, уронив голову на согнутую руку, и то ли пела, то ли рыдала, сразу не разобрать. Одно было ясно: пьяна она в стельку. Я прошла к столу, взяла в руки бутылку, где на самом доньшке плескалась водка, и выпила. Зойка замолчала и, прищурив один глаз, уставилась на меня.

– Лийка, ты, что ли? – спросила она хрипло.

– Я, – устраиваясь на стуле напротив Зойки, кивнула я со вздохом, а подружка попыталась приподняться.

– Правда ты, – обрадовалась она. – А я решила, может, померещилось.

– Не померещилось. Это я. Давно пьешь?

– Хрен его знает! Наверное, давно, раз ты здесь. Вот черт, я ж совсем забыла... С возвращением тебя. – Она поднялась из-за стола, направилась ко мне, нетвердо ступая, и мы обнялись. Зойка была выше меня на целую голову и весила не меньше ста килограммов, ноги у нее ослабли, оттого я чуть не рухнула под ее весом.

– Задавишь, лошадь здоровая.

– Не-а, я аккуратно, – хихикнула она и выпустила меня из объятий. – Какой сегодня день? – задумалась Зойка. – Это правда ты или у меня белая горячка?

– Само собой... А сегодня шестое июня.

– О господи... Прозевала все царствие небесное... точнее, пропила. Прости меня, Лийка. Слышишь? Простишь?

– Прощу, если рожу умоешь. Смотреть на тебя тошно.

Печатая шаг, Зойка пошла за занавеску, где притулился ржавый умывальник. Надо отдать ей должное, несмотря на лошадиную дозу выпитого, назад она вернулась почти в здравом рас- судке. Умылась, причесалась и даже сменила халат на платье без рукавов.

– Как меня нашла? – спросила она, садясь за стол.

– Твой Петр сказал...

– Он же на юг с молодой женой подался...

– Сегодня вернулись.

– Ага... Ну, ты все видела, все знаешь, выходит, рассказывать нечего...

– А ты, значит, пьешь?

– Пью. Как вернулась, так и пью. И ни малейшего желания покончить с этим пороком. Глядишь, допьюсь до белой горячки, и все само собой кончится.

– Что все? – вздохнула я.

– Все. Жизнь моя никчемная... надоела она мне хуже горькой редьки. – Зойка ухватила бутылку, но, заметив, что она пуста, поморщилась. – Черт, выпить есть?

– Есть, – кивнула я, извлекая из рюкзака поллитровку. – Закусить найдется?

– Не знаю. Пошарь в столе за занавеской.

Шарить там было совершенно нечего, банка с солью и два куска хлеба, черствого, точно подметка.

– Придется без закуски, – сообщила я, разлила водку в две чашки, подняла свою и ска- зала: – Ну что, со свиданьем, подруга.

Зойка к своей чашке не притронулась, сидела, тяжело задумавшись.

– Осуждаешь? – подняла она взгляд на меня. – Вижу, что осуждаешь. И правильно. Дура я. Была бы умной, плюнула этой падле в морду и стала бы жить лучше прежнего, глядишь, жизнь бы и устроилась. А я не могу. Девчонку их видела? Пятый годок. Я подсчитала, сколько ж он один прожить сумел, месяца не вышло. Слышишь, Лийка, месяца не продержался. – Она махнула рукой, считая на пол чашки с бутылкой. – Вот дура, – сказала с обидой. – Водку разлила... И черт с ней. Под кроватью – самогонки трехлитровая банка, достань.

– Достану. Значит, Петр твой не долго страдал и вскорости обзавелся подругой.

– Ага. А какие письма писал... Хочешь покажу?

– А то я их не видела...

– Точно. Я тебе их читала. Тем более. Ведь до последнего врал. Приехала, а в квартире...

– Зойка рукой махнула и нервно хихикнула.

В дверь постучали, и в комнату заглянула та самая суровая тетка с первого этажа.

– Как тут у вас? – спросила она настороженно.

– Нормально, – заверила я, идя ей навстречу.

– О, Катерина, давай за стол! – заорала Зойка.

Я вместе с Катериной вышла в коридор и попросила, протягивая деньги:

– Нельзя кого-нибудь в магазин послать? Она несколько дней ничего не ела, оттого крыша и съезжает. Оставлять ее одну мне не хочется...

– Я сама схожу, мигом. Магазин у нас во дворе, – заверила Катерина и вскоре вернулась с целым пакетом снеди. Мы соорудили чем перекусить, Зойка тоже приняла в этом участие, и через полчаса втроем сели за стол. Катерина выпила самую малость, сославшись на работу, и через час удалилась. А мы с Зойкой продолжили бдение за бутылкой, которое закончилось во втором часу ночи. Именно к этому времени подружка, почувствовав настоятельную потребность вздремнуть, перебралась на кровать, а я, перемыв посуду и распахнув окно настежь, устроилась по соседству и разглядывала потолок до самого рассвета.

Разбудил меня осторожный шорох, я приоткрыла глаза и увидела Зойку. Та сидела возле окна, курила и разглядывала меня.

– Привет, подруга, – сказала весело.

– Привет, – зевая, ответила я. – За бутылкой кинемся или завяжем?

Зойка хмыкнула, посмотрела в окно, где всю жарило солнце, и покачала головой:

– Паскудный у тебя характер, Виталия Константиновна.

– Мне говорили...

– Дрыхнуть будешь или экскурсию по городу тебе устроить?

– Давай экскурсию, – пожала я плечами.

Через час, позавтракав и приняв душ (холодный, горячая вода отсутствовала), мы отправились на прогулку, а вернулись ближе к вечеру.

– За бутылкой? – невинно спросила я.

Зойка посмотрела свирепо:

– Тошнит меня от пьянства. Думаешь, я и в самом деле с катушек съехала?

– Кто тебя знает.

– Кто тебя знает... – передразнила Зойка. – Ну, подурила малость... уж больно мне обидно стало, что эта... Ладно, хрен с ними, пусть живут да радуются. Я тоже проживу.

– Ты как в этой общаге очутилась?

– Что ж мне, с ихним семейством жить? А комендантша здесь – подруга моя, вот пустила.

– Ага. Денег у тебя, конечно, нет?

– Откуда ж им взяться? – удивилась Зойка.

– А пьешь на что?

– Самогон поставили, молочный бак... или два... Не помню. Дешево и зло.

– Бак кончился?

– Само собой. Это браги бак, а самогонки из нее значительно меньше выходит.

– Еще поставите?

– Виталия Константиновна, уймись ради Христа, я все поняла и прочувствовала. И уже начала новую жизнь. Все? В завязках я, вот те крест. – Зойка перекрестилась и тяжело вздохнула: – Не поверишь, сегодня под утро проснулась, а на душе так тошно, думаю, сейчас пойду и удавлюсь. Слава богу, ты на соседней койке дрыхла. Посмотрела на тебя, подумала и решила, что помирать мне ни к чему. В общем, кризис миновал и со мной полный порядок.

– Здорово, – кивнула я, подошла к окну и стала разглядывать двор-колодец с тремя чахлыми березами. – Поехали со мной, – попросила я тихо.

– Куда? – вроде бы удивилась Зойка.

– Ко мне. Чего тебя здесь держит? Квартиры и той лишилась. Работы нет...

– Значит, спасти явилась? Согласна, раскисла я малость... вид имею паршивый, и все такое... но ты зря решила, что я под гору... Все нормально, пить завязала, начала новую жизнь. Со мной полный порядок.

– А со мной нет, – ответила я.

Зойка долго молчала, потом подошла и встала рядом.

– Что так? – спросила тихо.

– Не знаю... внутри точно все рушится. Вот смотрю в окно, и очень хочется головой вниз.

– Ни к чему, – хохотнула Зойка и погладила меня по плечу. – Если мы там не загнулись, то здесь попросту грех.

– Вот и я говорю, – отвернувшись от окна, хмыкнула я. Зойка начала бродить по комнате, заглянула под кровать. – Ты чего ищешь?

– Сумку. Черт знает, куда ее сунула. Вещичек у меня немного, но и их во что-то положить надо.

Сумку мы нашли и вещички собрали, но на автобус опоздали и до моего родного города добирались на такси. Дороговато, зато в двенадцать часов ночи мы уже входили в квартиру, где пьяный Палыч играл на гармошке, бог знает откуда у него появившейся. На полу спал безногий инвалид и так храпел, что стены ходили ходуном.

– О, Виталик вернулась! – заорал Палыч, пытаясь подняться.

– Сиди, дед, – буркнула я. – Еще лоб расшибешь. Это Зоя Федоровна, подруга моя. Завтра познакомишься, а сейчас кончай представление – и спать.

– Как скажешь, Виталик, так и будет...

– Это Палыч? – усмехнулась Зойка, входя в мою комнату.

– Точно. О втором не спрашивай, ранее не встречались. Палыч мужик нормальный, распустился малость, но мы его приструним, ремонт в квартире сделаем и даже мебель купим. Денег на первое время добыть нетрудно. Дед наследство оставил.

Зойка оглядела комнату и сказала:

– Наследство – это хорошо. – И добавила насмешливо: – Да, нагрели тебя любящие родственники не хуже, чем меня.

– Брось, у Нинки семья, внучка... А нам с тобой и этих хором за глаза хватит.

– Это точно, – согласилась Зойка, устраиваясь прямо на полу.

Встав в десять утра, инвалида мы в квартире не обнаружили. Палыч тоже отсутствовал, притрусил часов в одиннадцать, когда мы пили кофе и строили планы на сегодняшний день.

– Эх, девицы-красавицы! – заорал он с порога и добавил тише: – Может, со свиданьем, слышь, Виталик? Как-никак подруга приехала...

– Мы, дед, в завязках. Хочешь, один отметь. Денег дам. А завтра с утра предстоит тебе трудовой подвиг. Надо в нашей халупе ремонт сделать. Сам понимаешь, без мужика нам такое дело не осилить.

– Все сделаем, Виталик, какой разговор. Сегодня пью, завтра работаю. У меня два дружка есть в соседнем доме, на стройке вкалывают, сейчас у них простой, так они нашу хибару за пару литров во дворец превратят...

– Вот и отлично. Мы уйдем ненадолго, а ты обед приготовь. Гостья у нас, так что побалуй ее своим знаменитым борщом.

– Сделаем, – кивнул Палыч и неожиданно перешел на радостный визг: – Ох, до чего ж я рад, что ты вернулась!

– А я как рада, – хмыкнула я.

Мы с Зойкой отправились в ресторан, предупредив о своем визите по телефону, по пути заглянули в магазин и парикмахерскую. Зойка с новой стрижкой, в дорогом платье и туфлях на высоченном каблуке выглядела внушительно, главбух чувствовался за версту, зато озорной взгляд и готовность по малейшему поводу расхохотаться выдавали в ней просто хорошего человека, сочетание очень удачное, с моей точки зрения, чтобы устроиться на работу. Конечно, я могла бы позвонить Славке и попросить за подругу, но делать этого без особой на то нужды не хотела.

Заведовал рестораном парень лет тридцати, толстый, вечно небритый, с такими несчастными глазами, что, раз взглянув на него, хотелось плакать. Впечатление было обманчивым, рестораном Владимир Юрьевич, как выяснилось, управлял весьма успешно и был мужиком с характером. Дядька с усами, оказавшийся швейцаром, на наш вопрос, где можно найти Владимира Юрьевича, ответил:

– Где-то на территории.

Мы пошли искать его и в первом же коридоре столкнулись нос к носу.

– Здравствуйте, – запела я, на всякий случай широко улыбаясь.

– Ты Лия, да? – перебил он меня, оглядывая с ног до головы. – Влад предупреждал. А это кто?

– Моя подруга, Зоя. Работа нужна. Я подумала, может...

– Значит, так. Два дня работаете, два гуляете. Запьете, выгоню, и Влад не поможет. С клиентами вежливо, контингент у нас... в общем, лучше не заедаться, а нарветесь – проблемы ваши. Платим по тысяче, плюс чаевые, набегает прилично. Делать из ресторана публичный дом не позволю, без того бардак, так что шашни заводить только в нерабочее время. Если мозги есть, от клиентов наших держитесь подальше. А нет – так бог вам судья. На работу можете выходить в понедельник. Со всеми вопросами, которые по ходу возникнут, прямо ко мне. А сейчас всего доброго, у меня работы по горло.

– До понедельника в квартире ремонт сделаем, – заметила Зойка, когда мы покинули ресторан, ткнула меня локтем в бок и хмыкнула: – А жизнь ничего, слышь, Виталик?

– В самую точку, – согласилась я.

В тот же день мы продали дедовы часы, отправившись по указанному адресу. Зойка повела себя весьма умело, а выглядела столь респектабельно, нагло намекая на близкое знакомство с антиквариатом и ласково улыбаясь в ответ на все увещевания старичка, похожего на Плюшкина, что первоначальную сумму он в конце концов удвоил, и мы, довольные, пошли по магазинам, а на следующий день начали ремонт. Почти трезвый Палыч, накануне кормивший нас фирменным борщом, принял самое деятельное участие в работе и смывал потолки. Два пришедших приятеля Палыча выкладывали плитку, а мы в основном боролись с грязью, скопившейся во всех углах за долгие годы. За этим занятием нас и застал Валька, заехавший после обеда. Дверь в квартиру была открыта, Зойка обдирала старые обои в нашей комнате (в комнате Палыча обдирать было нечего, обои сами давно отвалились), а я сидела на стремянке, дрыгала ногами и приставала к Зойке со всякими глупостями.

Валька заглянул в комнату, усмехнулся и сказал нараспев:

– Здрасьте! Благоустройством занялись?

– Как видишь, – ответила я, покидая стремянку. – Извини, не сможем напоить тебя чаем, на кухне грязь... Палыч всю трудится.

– Обойдусь без чая. А это кто? – спросил он тише, косясь на Зойку.

– Зоя Федоровна, моя подруга. Приехала из Костромы помочь с ремонтом. Может, навсегда останется, по крайней мере, я на это надеюсь. – Зойка весело подмигнула, сидя на корточках, а я продолжила: – А это Валентин. Друг детства, в одном дворе росли. Говорит, был влюблен, врет, наверное, но все равно приятно... Ты по делу или как?

– Или как. Какие могут быть дела? Хотел проведать подругу детства, вдруг, думаю, захандрила, тоскует в одиночестве, а у нее народу полон дом.

– Надеюсь, ты не огорчился?

– Наоборот. Значит, благоустраиваешься?

– Благоустраиваюсь. Сделаем ремонт, и можно будет жить припеваючи. Квартира большая, хоть стометровку бегай.

– Тебе Влад с жильем не обещал помочь?

– Жилье у меня есть.

- В придачу с запойным соседом?
- Запойный сосед меня еще в коляске возил, и человек он неплохой. Мы за ним при-смотрим, он за нами. И будет полный порядок.
- Ты это серьезно? – спросил Валька, выражение его глаз переменялось, смотрел он хмуро и вроде бы презрительно.
- В каком смысле? – решила я уточнить.
- Считаешь, что жизнь прекрасна?
- Услышав это, Зойка насторожилась, приподнялась с колен, я, покосившись в ее сторону, похлопала Вальку по плечу и сказала:
- Чижик, я всерьез. Я уже ухлопала пять лет и не имею ни малейшего желания продол-жать в том же духе. – Говоря это, я легонько подталкивала друга детства к выходу.
- Ладно. Я помочь хотел, а там как знаешь. – Он улыбнулся мне, сделал ручкой и исчез, а я задумалась.
- Чего он хотел? – спросила Зойка. – Рабочих, что ли, прислать?
- Что? – не поняла я.
- Твой дружок про помощь говорил, фирма своя или большой начальник? Одет при-лично...
- Он не ремонт имел в виду.
- Не ремонт? – нахмурилась Зойка. – А что же?
- Вот и я гадаю, – хмыкнула я в ответ.

Ремонт закончили в субботу и справили новоселье. Из приглашенных были все те же приятели Палыча, сильно пьющие строители, и сосед-электрик с первого этажа, который помог нам починить проводку. Конечно, евроремонтом и не пахло, но квартира выглядела прилично, а главное – жилой. Палыч ходил повеселевший и пил умеренно. Мы купили необходимую мебель, шторы на окна, постельное белье и кое-что из посуды (благополучно пропитые моим дедом, в жилище эти предметы отсутствовали). От денег, вырученных за часы, практически ничего не осталось, хотя сумма и казалась нам поначалу огромной. Но мы были довольны и даже счастливы.

Отмыв стекла и постелив дорожку в прихожей, мы с Зойкой долго сидели на кухне у раскрытого окна, пили чай и строили планы. Зойка вознамерилась первым делом выдать меня замуж и сроку на это отпустила ровно год, а когда пойдут детки, она с удовольствием запишется в бабки, ей как раз по возрасту.

- Сама замуж выйдешь и родишь, – отмахнулась я.
- В сорок-то лет? Прошла моя пора... И замужем я уже побывала. А вот тебе надо, и не усмехайся. Появится семья, заботы, жизнь наладится.
- У меня есть семья, есть заботы, и жизнь в самом деле налаживается, – засмеялась я в ответ и в ту ночь впервые уснула мгновенно, лишь только голова моя коснулась подушки, и проспала без сновидений до самого утра.

В понедельник утром мы с Зойкой встали пораньше, приготовили завтрак, разбудили Палыча и, дав ему разные поручения, чтоб по занятости не затеял пить с самого утра, отпра-вились в ресторан.

Владимир Юрьевич, встретив нас, одобрительно улыбнулся, должно быть, радуясь, что мы трезвые, и подвел к длинноногой девице в черном парике.

- Людка, объясни новеньким, что к чему, и вообще: введи в курс дела... ты понимаешь. Господи, а перегарищем-то как прет, – раздосадованно покачал он головой и торопливо поки-нул помещение.

Несло от Людки в самом деле за версту, хоть и выглядела она трезвой, правда, изрядно помятой. Как любил выражаться мой дед, «словно на ней черти всю ночь воду возили». Инструктаж длился минут пятнадцать. За это время к несомненным Людкиным достоинствам, как-то: способности со страшного перепоя внятно отвечать на вопросы и стойко радоваться жизни – припелелись некоторые недостатки: Людка была занудой, говорила пространно, то и дело сбиваясь на вещи, далекие от нашей будущей работы в ресторане, при этом жутко шепелявила и прикрывала рот рукой. Я не сразу сообразила, что у нее недостает двух верхних передних зубов. Когда скрывать это стало невозможно, она лихо улыбнулась и доверительно сообщила:

– Сашка, сука, в субботу по пьянке мне кулаком заехал. Урод. А в воскресенье везде выходной, теперь хошь не хошь, а две смены без зубов работай. У Вовки не отпросишься, больничные у нас не принимаются, а прогулять нельзя: у меня последнее предупреждение, правда, уже год, а может, больше.

– А кто этот Сашка? – хмуро поинтересовалась Зойка.

– Сашка? – Людка вроде бы удивилась. – Так... живет у меня... из местных, я клиентуру имею в виду. У нас ведь знаете небось, кто пасется... Вообще-то Сашка парень неплохой, но как напьется, крыша у него едет, и тогда хоть святых выноси...

– А пьет часто? – не унималась Зойка.

– Да считай, каждый день, – нимало не печалась, ответила наша наставница и отправилась в зал показывать, какие столы придется обслуживать нам с Зойкой.

Зал не был особенно большим, его недавно отремонтировали, при этом попытались придать некий аристократический облик, в основном выразившийся в позолоте стеновых панелей и огромных кольцах для салфеток. Деньги вложили немалые, а особого толка я в том не видела. Вместо линолеума, как в прежние годы, под ногами поскрипывал паркет, тусклый, с потрескавшимся лаком и весь какой-то неухоженный. В общем, как был Славка бестолковым парнем, неспособным сделать ничего путного, таким и остался. И тут уж, как говорится, ничего не поделаешь. Однако это я нанималась к нему на работу, а не он ко мне, и выходило, что если ума у Славки мало, так у меня его еще меньше.

– А ты с Владом любовь крутишь? – неожиданно спросила Людка. Я, занятая своими мыслями, не сразу поняла, кого она имеет в виду.

– С Владом? – переспросила я, а Зойка нахмурилась. – А, да. Крутила. Давно. Еще в школе.

– Так он тебя лет на пять старше, – не поверила Людка, девка она была любопытная.

– На четыре, – поправила я. – Это я в школе училась, а он, конечно, ее уже закончил, когда мы эту самую любовь крутили...

– Ага, – кивнула она и вознамерилась задать еще вопрос, но тут в зале появился Владимир Юрьевич, и ей пришлось заткнуться.

Первый наш рабочий день прошел спокойно, особого наплыва посетителей не наблюдалось. Народ вел себя тихо, и, вопреки нашим ожиданиям, буйных типов, вроде Людкиного Сашки, который по пьянке любил лишать зубов своих подружек, не обнаружилось. Кстати, сам Сашка, парень лет тридцати, бритый, с перебитым носом и золотыми зубами по всему фасаду, появился часов в девять, приняв покаянный вид, несколько минут разговаривал с Людкой, а потом устроился за столом в углу, где каждый свой вечер проводил сухонький старичок с насмешливыми глазами по имени дядя Миша. Обычно молодежи он сторонился и предпочитал отдыхать один (об этом сообщила нам все та же Людка), но с Сашкой их связывали какие-то дальние родственные узы, и потому в тот вечер выпивали они вместе.

– Дядя Миша наш контингент, – хмыкнула Зойка, когда мы встретились с ней возле буфета.

– Что значит наш? – усмехнулась я в ответ.

– То и значит... Людку спросила, говорит, от дел отошел, но его здесь уважают.

– И что?

– А ничего. Старикан вроде симпатичный. Кто знает, что завтра в жизни пригодится.

– А как тебе Сашка?

– Таких Сашек сто штук за рубль. Главное, чтоб он Людке нравился.

В суете, беготне и волнении время пролетело стремительно. Дядя Миша, поддерживаемый Сашкой, последним покинул заведение, а мы сдали выручку, собрали скатерти и выпили по сто пятьдесят коньяка за первый рабочий день. К нам присоединился Владимир Юрьевич, предложивший не церемониться и про отчество забыть, и, конечно, Людка. С работы отправились пешком. Ноги гудели, глаза слипались, но настроение было отличное. Работа особой сноровки не требовала, втянемся быстро, а на чай здесь давали щедро. За два выходных можно будет неплохо отдохнуть... В общем, я в тот вечер в самом деле поверила, что жизнь налаживается. Зойка вышагивала рядом, раза три шумно вздохнула, а потом сказала:

– Мужика видала, за третьим столом у стены сидел по моему ряду?

– Нет, – покачала я головой. – А что?

– Ничего. Поговорили. Два месяца, как откинулся... вроде парень неплохой. В женихи набивался.

Я сбилась с шага и ухватила Зойку за локоть.

– Слышь, подруга, у меня большие планы на нашу дальнейшую жизнь, и ребятишкам с зоны там места нет. Ну их к черту. В этом кабаке мы временно – полгода, год от силы, потом найдем хорошую работу.

– После пяти лет отсидки? – присвистнув, поинтересовалась Зойка.

– Ты бухгалтер и сидела не за воровство. Говорю, найдем работу, значит, так оно и будет.

– Ладно, не заводись. Ванька парень неплохой, я людей чувствую. Бог знает, как его жизнь кинула и за что он за колючкой очутился.

– А ты спроси, – разозлилась я. – Он расскажет.

– Я большая девочка и сама разберусь. А вот тебе задуматься надо: стоило ли в этот кабак соваться.

Я вторично сбилась с шага.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею. Что за дела здесь крутятся, не знаю, но вижу, что крутятся. А дела, они сегодня идут хорошо, а завтра, может быть, плохо. Если хорошо, то и нам хорошо, а если плохо, на кого собак навешают?

– Что ты городишь? – попробовала возмутиться я.

– Взгляды мне не нравятся. Смотрят на тебя не по-доброму.

– Кто смотрит?

– Да считай, все. Может, Влад твой присматривать велел. Я за пять лет чужие взгляды шкурой видеть научилась. Короче, держимся настороже. Так что Ванька очень даже пригодится, свой своего не продаст... хотя особо рассчитывать на это я бы не стала. К дяде Мише приглядишься. Мужик не простой. При случае от него польза может быть ощутимая.

– Не надо никакой пользы, не будет случая... И завязывай с этой лагерной бодягой! – рывкнула я и осеклась. Зойка стояла передо мной, уперев руки в бока, качала головой и улыбалась.

– Я ль тебя не знаю, подруга, – пропела она весело.

– Черти бы тебя слопали, – хмыкнула я, Зойка обняла меня за шею и прижала к своей роскошной груди:

– Тетку слушай, тетку не проведешь. Она их мысли крысиные за версту чует, а за тебя кому хошь горло перегрызет. Только свистни.

– Не надо никому горла грызть, – проворчала я, высвобождаясь из ее крепких объятий. – Хочешь, крути любовь с этим Ванькой, только ни во что не впутайся. Истории нам ни к чему, а с таким Ванькой попасть в историю плевое дело.

- Пойдем живее, воспитатель, спать хочу, а идти еще две остановки.
- Может, машину тормознем?
- Ножками доберемся.

...Второй день нашей работы в ресторане начался со скандала. Хмурая заспанная девица-буфетчица сцепилась с Людкой. Орали они громко и добрых слов друг для друга не жалели, до тех самых пор, пока не появился Владимир Юрьевич. Парнем он оказался простым, вникать, кто из девиц прав, не стал, матерно обругал одну, вlepил затрещину другой (Людке) и пообещал, что завтра же ее уволит.

– А нравы здесь патриархальные, – хмыкнула Зойка, наблюдая эту сцену. – Чуть что, сразу на конюшню.

– Плевать, – отмахнулась я. – Лишь бы нас никто не трогал.

– Я им трону, – возвысила голос Зойка и как в воду глядела, потому что буквально через несколько часов ей пришлось демонстрировать свои бойцовские качества.

Около восьми в зале появились четверо парней, Людка нахмурилась и, легонько подтолкнув меня, сказала:

– Глянь, Кувалду черт принес. Господи, пронеси, лишь бы не за мой ряд...

Четверка как раз устроилась возле окна, то есть обслуживать их предстояло мне, и Людка вздохнула с облегчением.

– С этим психом аккуратней. Что бы он ни сказал, молчи и улыбайся.

– А что за тип?

– Говорю, псих. Сволочь последняя. А строит из себя... Короче, я тебя предупредила.

С таким напутствием я и отправилась принимать заказ. Однако поначалу парни вели себя вполне прилично. Я подошла, поздоровалась и улыбнулась, а тот, кого Людка назвала Кувалдой, посмотрел на меня исподлобья и осведомился:

– Новенькая, что ли?

– Второй день.

– Ага. Прогуляйся немного, деточка. А мы тут посидим и подумаем, чего хотим.

Минут через пятнадцать меня подозвали свистом и легким мановением руки. Отчего у Владимира Юрьевича проблемы с трезвым персоналом, я стала примерно представлять. Но, предупрежденная Людкой, подошла и сказала с улыбкой:

– Слушаю вас.

Заказ Кувалда сделал, а после того, как выпил водки, его начало корежить во все стороны, а особенно в мою. Для начала раза три гонял за рюмками, ему показалось, что не очень они чистые. Пару раз подзывал, чтобы сообщить, что ему в нашем ресторане не нравится, сформулировать свою мысль не смог и в основном ограничился одним словом «дерьмо». Так как в принципе я была с ним согласна, то и возражать не видела смысла, продолжала улыбаться и кивала. Должно быть, именно по этой причине он вознамерился меня достать. Подозвал, не помню в который раз за вечер, и спросил:

– Ну что, новенькая, скажи-ка мне, что умеешь делать?

– В основном грядки полоть, я деревенская, – ответила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.